ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

Я зазнала семейство Соймонова въ началѣ 40хъ годовъ; оно состояло изъ хозяевъ дома, изъ двухъ дочерей и сына. Младшая дочь была замужемъ и жила около Сокольниковъ, въ Красномъ селѣ; замужество другой, Екатерины Александровны, не состоялось. Она была помолвлена за барона Фиркса * и уже принимала поздравленія московскаго общества, когда до отца ея дошли слухи не совсѣмъ выгодные для жениха. Старикъ Соймоновъ объявилъ дочери что беретъ назадъ свое слово и не позволитъ ей выйти замужъ за Фиркса. Напрасно молодая дѣвушка пыталась поколебать рѣшеніе упрямаго старика, онъ настоялъ на своемъ. Много слезъ ей стоилъ разрывъ съ человѣкомъ который ей нравился, но идти противъ родительской воли было для нея немыслимо. Богъ знаетъ насколько оказались вѣрными свѣдѣнія собранныя Александромъ Николаевичемъ о баронѣ Фиксѣ; вѣрно то что до конца жизни баронъ сохранилъ теплое воспоминаніе о своей бывшей невѣстѣ и называлъ ее лучшею изъ женщинъ.

Эта исторія была забыта, сдана въ архивъ, когда мы познакомились съ Екатериной Александровной. Она перешла за черту первой молодости, однако свѣжесть ея вполнѣ сохранилась. Черты лица ея не отличались ни правильностью, ни тонкостью,

* Онъ писалъ въ 60хъ годахъ подъ псевдонимомъ Шедоферотн.

напротивъ, были крупны и неправильны, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ оригинальны, выраженіе глазъ и улыбки такъ привлекательны что она нравилась болѣе чѣмъ правильная но безцвѣтная красота. Ея пріемы отличались чрезвычайною простотой, иногда даже рѣзкостью.

Соймоновы жили въ собственномъ домѣ на Малой Дмитровкѣ и принимали весь городъ, и весь городъ ихъ уважалъ и любилъ. Ежедневно въ половинѣ девятаго зажигались лампы, подавали чай, а въ половинѣ двѣнадцатаго ужинъ, затѣмъ посѣтители разъѣзжались. Въ именинные дни не разсылали приглашеній, а звали на вечеръ тѣхъ кто пріѣзжалъ утромъ съ поздравительнымъ визитомъ, и домъ бывалъ переполненъ гостями. Хозяева были со всѣми одинаково привѣтливы, не разбирая общественнаго положенія.

Не даромъ Марья Александровна была большая барыня стариннаго склада. Прежнія большія барыни, настоящія, не скороспѣлки, обладали изумительною простотой и не боялись умалить своего значенія протягивая руку людямъ стоявшимъ неизмѣримо ниже. Онѣ такъ сроднились со своимъ происхожденіемъ и положеніемъ что имъ и въ голову не приходило кого-нибудь удивить или озадачить, да и ихъ трудно было чѣмъ-нибудь удивить. Я видала въ дѣтствѣ старушку княжну Прасковью Михайловну Долгорукую, внучку несчастнаго колесованнаго при Аннѣ Іоанновнѣ князя Ивана Алексѣевича. Похоронивъ почти все свое семейство, она доживала вѣкъ на Дѣвичьемъ полѣ, въ домѣ Долгорукихъ, который приходилъ въ полный упадокъ. Напрасно родственники княжны уговаривали ее нѣсколько разъ сдѣлать кое-какія передѣлки по крайней мѣрѣ въ жилыхъ покояхъ, она не соглашалась и отвѣчала: на мой вѣкъ станетъ. Близкій родственникъ ея, Демидовъ, женился на принцессѣ Матильдѣ и новобрачныхъ ждали въ Москву. Племянникъ Прасковьи Михайловны, князь Долгорукій, воспользовался этимъ случаемъ и принялся ей доказывать что Демидовыхъ нельзя принять въ комнатахъ гдѣ покривились рамы и полы и штукатурка обвалилась на стѣнахъ. „А почему же ихъ нельзя здѣсь принять?“ спросила удивленная княжна. „Принцесса Матильда не привыкла къ такому безобразію“, отвѣчалъ князь. „И привыкать ей не нужно,“ возразила княжна, все-таки не понимая въ чемъ дѣло; „вѣдь она жить здѣсь не будетъ, а только пріѣдетъ съ визитомъ“.

Такъ старушку и не убѣдили что ей надо измѣнить своимъ привычкамъ для почетныхъ гостей.

Домъ Соймоновыхъ былъ лостроенъ лослѣ 1812 года, несмотря на это въ немъ ничего не было казеннаго, ничто въ немъ не напоминало холоднаго стиля той эпохи. Окна гостиной и стеклянная дверь выходили въ садъ; посреди внутренней стѣны возвышался каминъ и около него стояли два диванчика, которые раздѣляли комнату на двѣ половины: въ одной собирались гости ложилые, а въ другой—молодежь. Хозяйка дома Марья Александровна сохранила до старости нѣжное и прелестное очертаніе лица и дѣвственно чистый взглядъ. Недавно скончавшійся Николай Михайловичъ Орловъ говорилъ о ней: C'est la Vierge dans Sa vieillesse. Ея движенія были медленны и говорила она медленно и тихо. Въ ней былъ одинъ недостатокъ—слишкомъ высокій ростъ. Александръ Николаевичъ Соймоновъ былъ напротивъ средняго роста и тученъ, съ темно-коричневымъ цвѣтомъ лица, съ плоскимъ носомъ и отвислою нижнею губой, но его джентльменскіе пріемы искупали непригожую наружность. Онъ вставалъ рано, бывалъ ежедневно у обѣдни, затѣмъ день посвящалъ свѣту. Не могъ онъ жить безъ гостей, вечеровъ, баловъ, обѣдовъ. Его смущала иногда чрезмѣрная простота въ обращеніи дочери, но такъ какъ она нравилась всѣмъ, приходилось и ему волей или неволей съ этимъ мириться. Екатерина Александровна была общая любимица, однако, несмотря на мягкость и доброту, умѣла подтрунить надъ людьми которые оскорбляли въ ней живое чувство. Разкажу по этому поводу одинъ характерный случай.

У ней былъ замѣчательный голосъ и музыку она знала въ такомъ совершенствѣ что Рубини, посѣтившій Москву въ сороковыхъ годахъ, послѣ дуэта который они пѣли вмѣстѣ сталъ предъ ней на колѣни въ порывѣ италіянской живости. Талантъ ея развился въ Италіи, гдѣ она провела четыре года первой молодости. Семейство возвратилось въ Москву въ то время когда князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ былъ генералъ-губернаторомъ; онъ устраивалъ концертъ для пріѣзда Царской Фамиліи, и разумѣется безъ Екатерины Александровны дѣло не обошлось. Собирались по утрамъ на репетицію то у Соймоновыхъ, то у Голицыныхъ. Въ это время явилась въ свѣтъ молодая дѣвушка Прасковья Агеевна Абаза; она пѣла очень мило, и ей чрезвычайно хотѣлось участвовать въ хорахъ. Екатерина Александровна обѣщалась это устроить, и на балѣ въ Благородномъ Собраніи представила свою protégée князю Дмитрію Владиміровичу, не преминувъ похвалить ея голосъ. Молодая

дѣвушка была очень хороша собой, а князь былъ извѣстный поклонникъ женской красоты; Екатерина Александровна на то и разчитывала; дѣйствительно, онъ тутъ же пригласилъ Полину Абазу пѣть въ хорахъ. Радости ея не было мѣры, она поспѣшила заказать себѣ платье, но надежды ея не сбылись.

Княгиня Татьяна Васильевна смотрѣла недоброжелательно на хорошенькія личики которыя нравились ея мужу. Приглашеніе сдѣланное имъ, помимо ея, возбудило въ ней сильную досаду, и сгоряча она поручила кому-то сказать Александру Николаевичу Соймонову что хоръ уже составленъ и что гжа Абаза въ немъ будетъ лишняя.

Старикъ Соймоновъ вспылилъ въ свою очередь. Какъ онъ ни дорожилъ успѣхами дочери и возможностью ею прихвастнуть предъ Царскою Фамиліей, обида нанесенная молодой дѣвушкѣ, дружески принятой въ его домѣ, задѣла его за живое и заглушила отцовское самолюбіе. Онъ отвѣчалъ княгинѣ что дочь его, вмѣшавшись въ это дѣло, считаетъ себя не менѣе оскорбленною чѣмъ Абаза и отказывается пѣть въ концертѣ. Княгиня поняла что если Соймонова откажется участвовать въ концертѣ, онъ не состоится, и пришла въ ужасъ; однако не сдалась сразу; переговоры продолжались нѣсколько дней прежде чѣмъ она рѣшилась, но слишкомъ поздно, поправить свою ошибку. Родители молодой дѣвушки не позволили ей воспользоваться приглашеніемъ, хотя лишеніе большаго удовольствія огорчало ее какъ ребенка. Екатерина Александровна побожилась что такъ или иначе княгиня поплатится за свою выходку.

Мы уже сказали что молодежь собиралась для спѣвки по утрамъ. Ее угощали у Соймоновыхъ вкуснымъ завтракомъ, но княгиня Татьяна Васильевна была разчетлива, у нея не завтракали и разъѣзжались проголодавшись. Составился маленькій заговоръ; разъ на спѣвкѣ у Голицыныхъ Екатерина Александровна объявила что не можетъ пѣть на тощакъ и просила офиціанта принести ржанаго хлѣба и стаканъ воды. Какъ по данному сигналу со всѣхъ сторонъ посыпались слова: „и мнѣ, и мнѣ тоже, пожалуста и мнѣ.“ Чрезъ нѣсколько минутъ офиціантъ явился съ огромнымъ подносомъ покрытымъ чернымъ хлѣбомъ и стаканами воды. Княгиня вошла въ залу въ то время какъ гости собрались около импровизованнаго завтрака.

— Что это? спросила она остолбенѣвъ.

— Извините, княгиня, отвѣчала Екатерина Александровна,— иногда очень трудно пѣть съ тощимъ желудкомъ, и мы позволили себѣ попросить закуску.

Княгиня поняла урокъ, вспыхнула и никогда не простила этой обиды.

Концертъ вполнѣ удался. Покойный императоръ Николай Павловичъ поздравилъ Екатерину Александровну съ ея блестящимъ талантомъ.

Между тѣмъ Александръ Николаевичъ говорилъ женѣ: „должно-быть наша-то отвѣчала государю по-своему, онъ смѣется...“

Кто бы угадалъ за простотой Екатерины Александровны что она учена какъ профессоръ и знаетъ въ совершенствѣ четыре иностранные языка. Она не любила свѣта и наслаждалась жизнію только въ деревнѣ, въ своемъ миломъ Тепломъ. Въ часы свободные отъ пріемовъ, она шила изъ разныхъ лоскутковъ ловойники, шапочки, ловязки для тепловскихъ бабъ и дѣтей. Александръ Николаевичъ, заставъ однажды дочь за этою работой, пожалъ плечами и прозвалъ ее madame Sichler de Теплое; она засмѣялась, надѣла ловязку, подбоченилась и стала плясать по-русски.

— Продурачитъ своихъ женіховъ, замѣтилъ съ досадой старикъ.

— Eh bien, Papa, qu'est ce que cela fait? je coifferai ma Patronne, отозвалась она весело.

Нельзя отдѣлить отъ семейства Соймоновыхъ Соболевскаго, незаконнаго сына Александра Николаевича. Сергѣй Александровичъ Соболевскій былъ похожъ на отца, но гораздо выше его ростомъ; лицо напоминало типъ сатира. Острый, недюжинный умъ, своеобразный характеръ, огромная начитанность составили ему общественное положеніе. Онъ получилъ отъ матери хорошее состояніе и съ двадцатыхъ годовъ бывалъ во всѣхъ кружкахъ, и свѣтскихъ и литературныхъ; его баловали вездѣ отчасти потому что боялись его безпощаднаго языка. Я думаю что Марья Александровна была единственное существо которое ему внушало глубокое уваженіе; онъ ее звалъ *Maman*, хотя былъ немного моложе ея. Разъ она ему сказала: „какъ мнѣ жаль, Сережа, что ты не женился.“ „Я не женился потому что не встрѣтилъ женщины похожей на васъ“, отвѣчалъ онъ.

Соболевскій знавалъ императрицу Евгенію до ея замужества, не помню навѣрное гдѣ, въ Испаніи или въ Тулузѣ, гдѣ она жила съ матерью. Однажды обѣ собирались на балъ. Графиня Монтихо встрѣтила Сергѣя Александровича въ блестящемъ нарядѣ и велѣла дочери одѣваться въ свою очередь. Черезъ полчаса молодая дѣвушка вернулась въ простомъ бѣломъ платьѣ съ цвѣткомъ въ волосахъ. „Какъ! ни одного драгоцѣннаго камня, замѣтила мать“. „Посмотрите, отвѣчала та выставляя свою ногу,

обутую въ атласный башмачекъ, украшенный крупнымъ брилліантомъ. Завтра всѣ будутъ говорить о моемъ туалетѣ."

Соболевскій жилъ въ свое удовольствіе, никому не принося пользы и не имѣя настоящихъ друзей. Въ сущности онъ не любилъ никого, дорожилъ очень немногими, а остальныхъ презиралъ и преслѣдовалъ своими злыми и остроумными эпиграммами. Соболевскій умеръ какъ, жилъ въ одиночествѣ. Его желѣзный характеръ тяготѣлъ надъ людьми близкими ему; онъ ихъ забиралъ въ руки и, какъ говорится, заставлялъ плясать подъ свою дудку. Тѣ же которые не поддавались, попадали въ немилость. Послѣдніе два года онъ провелъ подъ однимъ кровомъ съ Одоевскими, старинными и хорошими его знакомыми.

—

Кто не бывалъ у Соймоновыхъ? Заграничныя артистки являлись къ нимъ съ рекомендательными письмами отъ старыхъ италіянскихъ друзей. Пріѣзжали и иностранные путешественники. Часто въ домѣ устраивались свадьбы, и надо было видѣть тогда радость и участіе хозяевъ. Они принимали каждый день, но такъ-называемый пріемный день бывалъ въ воскресенье. Въ карты не играли, не танцовали, и все-таки было весело, благодаря радушію и такту хозяевъ.

Нельзя было не замѣтить въ рядахъ отживающаго поколѣнія двухъ типичныхъ личностей, Вигеля и Чаадаева. Вигель былъ не доволенъ другими, потому что былъ не доволенъ собою, своею наружностію, своею запятнанною репутаціей; несмотря на высокій ростъ, онъ походилъ на обрюзглую старуху, и никто не отзывался о немъ дружелюбно. Онъ говорилъ тихо, его узенькій ротъ сладко улыбался, и, потирая руки, онъ разбиралъ по косточкамъ ближняго. У него всегда былъ, какъ лакомый кусочекъ, особенный предметъ ненависти. Даже мягкія сравнительно слова его были злы. Онъ ѣзжалъ къ Бакунинымъ, и заставъ одну изъ нихъ на молитвѣ въ ея комнатѣ, позволилъ себѣ пошутить надъ ея набожностію. Она отвѣчала довольно рѣзко, Вигель ее возненавидѣлъ. Я спросила разъ у него, много ли сестеръ Бакуниныхъ? онъ отвѣчалъ: „Il y en a trois, une peintre, une poète et une impertinente." *

Почему-то не взлюбилъ онъ Александра Николаевича Соймонова и началъ подтрунивать надъ его гостепріимствомъ, увѣряя что онъ приметъ охотно французскаго куафера.

---

* Ихъ три: одна живописецъ, одна поэтъ и одна грубіянка.

Мнѣніе свое Вигель имѣлъ дерзость подтвердить фактомъ: онъ обратился къ Соймонову съ просьбой представить ему французскаго писателя пріѣхавшаго въ Москву для наблюденія русскихъ нравовъ, и разумѣется получилъ согласіе; затѣмъ онъ не замедлилъ явиться на вечеръ съ мнимымъ писателемъ, и, представивъ его хозяевамъ дома, просилъ меня познакомиться съ его protégé.

— Я его привезъ съ цѣлію васъ позабавить, сказалъ Вигель.

— Какъ позабавить?...

— Заговорите объ его романѣ, и увидите что будете смѣяться отъ души.

Я была рада посмѣяться.

— Вы пишете романъ? спросила я у Француза.

— О, да, отвѣчалъ онъ.—Mr. Viguél очень меня уговариваетъ описать русскіе нравы. Я всего больше затруднялся именами, но онъ ихъ нашелъ.

— Какія же это имена?

— Dame! Il faut que je m'en souvienne... Ah! j'y suis: Mr. Lgounoff, Mr. Vraleff, Mme Dourakoff, il y en a d'autres. Et le kvartal y sera aussi". *

— Вы уже печатали ваши произведенія?

Онъ разсмѣялся.

— Я никогда не былъ писателемъ. Меня вызвалъ сюда мой двоюродный братъ, куаферъ Augé. Il a fais de bonnes affaires à Moscou. **

— Я не могла придти въ себя отъ удивленія и спросила у Вигеля какъ ему вздумалось привезти къ Соймоновымъ такого субъекта.

— Почему же нѣтъ? отвѣчалъ онъ со свойственною ему сладенькою улыбкой.—Гостепріимный хозяинъ готовъ принять и ло плоше Augé.

— Я здѣсь ничего подобнаго не видала. Всѣ спрашиваютъ откуда онъ взялся.

— Какая ему честь! Никто до сихъ поръ этимъ не интересовался.

Я начинала догадываться наконецъ въ чемъ дѣло. Гости занялись Французомъ, который игралъ цѣлый вечеръ роль шута. Вигелю

---

* Позвольте, надо ихъ вспомнить... А! вотъ: Mr. Лгуновъ, Mr. Вралевъ, Mme Дураковъ; есть и другіе... Выведу на сцену и квартальнаго.

** Дѣла его хорошо идутъ въ Москвѣ.

отказали отъ дому, и злобѣ его не было мѣры. Онъ былъ единственный человѣкъ который не побоялся оклеветать Соймоновыхъ, но его заставляли молчать или слушали съ презрѣніемъ. Онъ вскорѣ исчезъ изъ Москвы, и никто о немъ не пожалѣлъ.

Не таковъ былъ Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ: какъ теперь гляжу на его высокую фигуру, на его правильный профиль, на холодный взглядъ голубыхъ глазъ. Бѣлокурые съ просѣдью волосы были коротко острижены. Онъ держался прямо, закидывая голову назадъ. Я не помню его иначе какъ во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ, все въ немъ носило безукоризненный отпечатокъ порядочности. Голоса онъ не возвышалъ даже въ спорахъ, не дѣлалъ жестовъ и отличался умѣренностью выраженій говоря и о личностяхъ и о спорныхъ предметахъ. Онъ былъ вѣжливъ со всѣми и охотно бесѣдовалъ съ женщинами, но къ сожалѣнію этотъ умный и чрезвычайно образованный человѣкъ былъ влюбленъ въ себя самого. Разъ я у него спросила, гуляетъ ли онъ зимой пѣшкомъ? онъ отвѣчалъ: „я крайне удивленъ что мои привычки неизвѣстны кому-нибудь. Знайте же что я гуляю ежедневно отъ часа до двухъ.“ Въ моемъ присутствіи у него спрашивалъ молодой человѣкъ, собиравшійся во Францію, не дастъ ли онъ ему какихъ порученій? Чаадаевъ отвѣчалъ:—скажите Французамъ что я здоровъ. У Петра Яковлевича не переводились его литографированные портреты: онъ раздавалъ ихъ новымъ знакомымъ; такой портретъ достался и мнѣ. Въ этомъ лицѣ нѣтъ ничего дюжиннаго, оно какъ будто имѣетъ право смотрѣть съ высока.

Онъ измельчалъ въ праздности и пустотѣ свѣтской жизни, но когда-то игралъ выдающуюся роль въ кружкѣ своихъ петербургскихъ друзей. Пушкинъ приходилъ въ восторгъ отъ его краснорѣчія, независимаго склада ума, и сравнивалъ его съ высокими людьми Греціи.

Онъ высшей волею небесъ
Рожденъ въ оковахъ службы царской.
Онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Аѳинахъ Периклесъ,
А здѣсь онъ офицеръ гусарскій.

Чаадаевъ повторялъ охотно эти стихи и гордился дружбой Пушкина, но врядъ ли былъ способенъ на истинную привязанность. Несмотря на мягкость пріемовъ, въ немъ проглядывала какая-то сухость и онъ не пренебрегалъ случаемъ порисоваться даже въ чувствѣ. Его пріятель М. Ѳ. Орловъ часто его навѣщалъ, причемъ садился въ кресло назначенное собственно для него въ

гостиной. Онъ опирался головой въ стѣну и на обояхъ образовалось пятно которое Чаадаевъ показывалъ своихъ гостямъ послѣ кончины Орлова какъ драгоцѣнное воспоминаніе.

Онъ долго жилъ въ Москвѣ и умеръ въ ней. Протоіерей Сергіевскій пріѣхалъ съ нимъ познакомиться какъ только былъ переведенъ въ его приходъ; Петръ Яковлевичъ былъ боленъ, но все-таки настолько крѣпокъ что сидѣлъ въ креслахъ; однако священникъ нашелъ что онъ очень слабъ и спросилъ: говѣлъ ли онъ постомъ? Чаадаевъ отвѣчалъ что нѣтъ, но собирается говѣть., Сергіевскій замѣтилъ что такое дѣло откладывать не слѣдуетъ и пригласилъ его причаститься немедленно; онъ тотчасъ согласился и черезъ два часа послѣ причастія скончался.

Чаадаевъ былъ большой сторонникъ католицизма и изложилъ свои убѣжденія въ статьѣ гдѣ сказано, между прочимъ, что предки наши, обратившіеся въ христіанство при великомъ князѣ Владимірѣ, приняли *искаженную идею религіи* отъ растлѣннаго Востока. Непонятно какъ эта статья, написанная на французскомъ языкѣ, прельстила Надеждина, издателя *Телескопа*; онъ ее перевелъ на русскій языкъ, и цензоръ Болдыревъ разрѣшилъ ее печатать не прочитавъ, изъ уваженія къ настойчивой просьбѣ переводчика, который умышленно принесъ ее во время цензорскаго обѣда. Оба поплатились: Болдыревъ лишился мѣста цензора, а журналъ Надеждина былъ запрещенъ. Шефъ жандармовъ, графъ Бенкендорфъ, написалъ князю Дмитрію Владиміровичу Голицыну письмо въ шутливомъ тонѣ, объясняя что соотечественники Чаадаева, прочитавъ его статью, принимаютъ живое участіе въ его здоровьѣ и просятъ князя не только запретить ему выѣздъ въ сырую осеннюю погоду, но посылать къ нему еженедѣльно доктора умалишенныхъ. О состояніи больнаго князю предписывалось извѣщать разъ въ недѣлю графа Бенкендорфа. Это предписаніе исполнялъ нѣкоторое время, со свойственными ему деликатностью и благородствомъ, князь Дмитрій Владиміровичъ. Докторъ сумашедшихъ являлся къ Чаадаеву въ сопровожденіи полицейскаго офицера, получалъ награду за визитъ и не безпокоилъ мнимаго паціента который написалъ статью: *l'Apologie d'un fou* и раздавалъ ее въ коліяхъ своимъ знакомымъ. Онъ говаривалъ иногда не безъ удовольствія: „Mon illustre démenée“.

Этотъ эпизодъ его жизни напоминаетъ что Грибоѣдовъ прослылъ тоже за сумасшедшаго, но при другихъ условіяхъ. Я часто видала и очень любила его хорошаго пріятеля старика

Англичанина Эвенса. Онъ мнѣ разказывалъ что на балу у Корсаковыхъ Грибоѣдовъ съ горечью возставалъ противъ офранцуженнаго общества и кто-то распустилъ слухъ что онъ подверженъ припадкамъ сумашествія. Вѣсть объ его помѣшательствѣ разнеслась мгновенно въ городѣ, и на другой день тѣ которые не были у Корсаковыхъ пріѣзжали освѣдомляться объ его здоровьѣ. Грибоѣдовъ сказалъ Эвенсу: „имъ скоро будетъ доказано что я не помѣшанъ...“ И написалъ *Горе отъ ума*. Эвенсъ зналъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ знаменитой комедіи.

На московскихъ раутахъ мелькала иногда величественная фигура Ермолова. Ему было за шестьдесятъ лѣтъ, но годы не испортили ни его желѣзнаго организма, ни классической красоты. Я не могу себѣ представить въ другомъ образѣ Коріолана. Нельзя было не угадать съ перваго взгляда грознаго покорителя Кавказа. По словамъ его біографа Давыдова, люди поставленные выше его боялись его ѣдкаго слова, за то подчиненные обожали. Онъ говорилъ смѣло, при случаѣ, и съ царями. Вотъ фактъ изъ его жизни переданный Погодинымъ.

Въ 1814 году былъ смотръ въ Парижѣ, государь остался недоволенъ и велѣлъ посадить трехъ полковниковъ подъ арестъ. Ермоловъ горячо возсталъ противъ такой мѣры, представляя государю что караулъ будетъ иностранный, но рѣшеніе не было отмѣнено. Ермоловъ его не исполнилъ и отправился въ театръ; тамъ его нашелъ полковникъ Чебышевъ посланный княземъ Волконскимъ съ приказаніемъ представиться немедленно прогнѣванному государю. Надо было повиноваться и наказать полковниковъ, но на другой день Ермоловъ имѣлъ по этому поводу горячій разговоръ съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ.

Вслѣдствіе ли разныхъ интригъ или по личному къ нему нерасположенію, императоръ Николай I въ 1827 году, во время войны съ Персіей, велѣлъ Ермолову сдать команду Паскевичу, а его уволилъ отъ службы. Такимъ образомъ заключилось его десятилѣтнее служеніе въ Грузіи. Генералъ Дибичъ былъ тоже посланъ въ армію, а Ермоловъ говорилъ: На Ванькахъ далеко не уѣдетъ. *

Онъ переселился въ Москву; но государь не забылъ его заслугъ и назначилъ ему ленсію въ сорокъ тысячъ рублей. Ермоловъ былъ ему глубоко признателенъ за щедрое матеріальное обезпеченіе, но не могъ помириться съ душевнымъ оскорбленіемъ.

---

* Игра словъ. Ванька—плохой извощикъ. Паскевича, какъ и Дибича, звали Иваномъ.

Несмотря на блистательное положеніе составленное ему славой его имени, онъ принималъ людей всякаго калибера, которыхъ нигдѣ не встрѣчали, между прочимъ, одного Корабчевскаго, служившаго по коммиссаріатской и провіантской части на Кавказѣ. Ермоловъ обращался съ нимъ очень ласково и замѣтивъ что этому удивлялись, сказалъ: „Я служилъ съ Корабчевскимъ и онъ былъ мнѣ нуженъ. Еслибъ у меня было два Корабчевскихъ, я бы другаго ловѣсилъ, а безъ одного обойтись не могъ.“

Москва славилась тогда своими красавицами. Одна изъ самыхъ замѣчательныхъ, С. И. Миллеръ, вышла замужъ за Рахманова, а послѣ его смерти, за К. Оболенскаго. Она разказывала мнѣ любопытные анекдоты о своей матери, рожденной Волковой, фрейлины императрицы Маріи Ѳеодоровны. Волкова была такого веселаго и смѣлаго нрава что грозный императоръ Павелъ ей спускалъ изумительныя выходки. Между прочимъ, онъ терпѣть не могъ апарте и не позволялъ чтобы говорили шепотомъ. Разъ онъ входитъ неожиданно въ одну изъ комнатъ Зимняго дворца и застаетъ фрейлину Волкову наединѣ съ пріятельницей; онѣ о чемъ-то шептались. Государь остановился предъ ними, нахмурился и, возвысивъ голосъ, спросилъ:

— О чемъ вы говорили?

— Ваше величество, отвѣчала Волкова,—вамъ-то именно и нельзя повторить то о чемъ мы говорили.

— Какъ нельзя!.. я вамъ приказываю повторить.

— Если такъ, ваше величество, извольте. Я говорила что вы курносы.

Государь разсмѣялся и сказалъ:

— Вы сами курносая и не имѣете права смѣяться надъ моимъ носомъ.

Однажды Волкова поѣхала во дворецъ. Ея карету вдругъ останавливаютъ жандармы, объявляя что государь запретилъ подъѣзжать къ подъѣзду и что фрейлинамъ, какъ и другимъ, предстоитъ добираться до дворца пѣшкомъ черезъ площадь. Все утро шелъ дождь и грязь была непроходимая. Волкова велѣла кучеру ѣхать къ подъѣзду. Въ то время императоръ стоялъ у окна; когда Волкова вошла, онъ встрѣтилъ ее блѣдный отъ гнѣва и спросилъ: „Какъ вы смѣли меня ослушаться?...“

— А кто виноватъ что я ослушалась? Вы сами, ваше величество, приказываете перейти черезъ площадь, а тамъ грязь по колѣно. Въ какомъ видѣ были бы теперь мои коротенькіе башмаки?

Она указала на свою обувь и государь разсмѣялся.

— Съ вами ничего не подѣлаешь, отъ рукъ отбились, сказалъ онъ уже прикидываясь что сердится.

Я слышала отъ княжны Варвары Николаевны Репниной разказъ доказывающій, какъ и многіе другіе факты, что у несчастнаго императора было доброе и благородное сердце; но тяжелыя, подчасъ невыносимыя условія жизни довели его до раздражительности, близкой къ помѣшательству.

Отецъ княжны Варвары Николаевны, князь Волконскій-Репнинъ, былъ флигель-адъютантъ императора Павла. Однажды императоръ далъ ему какое-то порученіе и, забывъ объ этомъ, позвонилъ. Къ нему вошелъ графъ Нессельроде, котораго онъ не любилъ. Государь спросилъ: „гдѣ Волконскій?“ и узнавъ что онъ отлучился, крикнулъ не вспомня себя: „фельдъегеря!“

Между тѣмъ, князь Волконскій, исполнивъ порученіе, вошелъ къ государю и былъ встрѣченъ словами: „Въ Сибирь! готовься къ отъѣзду!“

Такіе случаи часто повторялись и не удивляли никого; несчастный молодой человѣкъ, не понимая чѣмъ онъ заслужилъ такое жестокое наказаніе, выпросилъ позволеніе съѣздить домой чтобы проститься со своими. Было уже поздно и всѣ сидѣли за ужиномъ когда вѣсть о ссылкѣ князя разразилась какъ громовой ударъ въ мирномъ семействѣ. Отецъ, мать, бабушка обливали слезами и благословляли путника; вдругъ является посланный съ приказаніемъ князю Николаю Григорьевичу Волконскому явиться немедленно къ государю. Князь поспѣшилъ во дворецъ съ замираніемъ сердца, ожидая новаго несчастья; но государь поклонился ему въ поясъ и сказалъ: „прости меня ради Бога. Я только сейчасъ вспомнилъ что самъ тебя послалъ съ порученіемъ.“

— Позвольте мнѣ, ваше величество, успокоить мою мать; она въ отчаяніи, отозвался князь.

— Стулай, стулай, отвѣчалъ государь, — извини меня предъ нею.

Въ то время московская труппа русскаго театра была составлена превосходно. Садовскій, Щепкинъ, Васильевъ, Живокини въ комедіяхъ, въ драмахъ Мочаловъ могли соперничать съ лучшими европейскими артистами. Талантъ знаменитыхъ комиковъ былъ выработанъ школой, что же касается Мочалова, у него выработки не было. Если ему случалось быть не въ духѣ, онъ не могъ совладать ни съ собой, ни съ ролью, и игралъ

просто плохо. Въ то время читали Шекспира запоемъ; Гамлетъ былъ вѣроятно любимою ролью Мочалова, она всегда ему удавалась; я горѣла нетерпѣніемъ его видѣть и знала по разказамъ брата всѣ подробности его игры: какъ Мочаловъ говоритъ этотъ стихъ, какъ другой, какой онъ въ такой-то сценѣ, какъ въ другой и т. д.

Молодежь не пропускала ни одного представленія, наконецъ сбылись и мои ожиданія.

На бѣду, по случаю болѣзни одного изъ артистовъ, *Гамлета* замѣнили поплою драмой Полеваго *Уголино*. Содержаніе я забыла, помню только что герой, то-есть Мочаловъ, человѣкъ темнаго происхожденія, влюбляется въ принцессу помолвленную за короля и увозитъ ее. Играть хуже было трудно. Мочаловъ говорилъ на распѣвъ, расхаживалъ по сцены, декламировалъ. Я не вѣрила своимъ глазамъ; братъ вошелъ въ нашу ложу.

— Такъ вотъ твой хваленый Мочаловъ! сказала я.

— Это ничего не доказываетъ, отвѣчалъ онъ съ досадой.— Онъ не расположенъ играть сегодня, но можетъ-быть придетъ минута вдохновенія и тогда ты увидишь.

Занавѣсъ вновь поднялся. Мочаловъ сидитъ въ саду рядомъ съ женой и между ними идетъ разговоръ о любви, но все мнѣ кажется холодно и приторно. Является сосѣдъ котораго надо угостить и молодая женщина уходитъ чтобы хлопотать объ обѣдѣ, но ее караулитъ оскорбленный женихъ и убиваетъ за кулисами. Ея продолжительное отсутствіе начинаетъ безпокоить мужа.

— Что жь это она забыла о насъ? говоритъ онъ.—Пойду ее позову.

Долго онъ остается за сценой. Наконецъ онъ возвращается. Онъ блѣденъ, у него лицо идіота; онъ молчитъ. Пріятель спрашиваетъ что случилось? Тогда Мочаловъ подходитъ къ нему и говоритъ не передаваемымъ голосомъ, голосомъ запуганнаго ребенка: „мнѣ кажется она умерла“. Это состояніе отупѣнія продолжается нѣсколько времени, но сознаніе возвращается и высказывается неистовымъ взрывомъ отчаянія и злобы. Съ его игрой въ этой сценѣ можно сравнить одну только Рашель въ *Горація*.

Мнѣ удалось его видѣть еще разъ на чтеніи въ частномъ домѣ. Садовскій и Щепкинъ прочли нѣсколько страницъ изъ Гоголя, Мочаловъ выбралъ поэму Козлова *Чернецъ*. Нельзя себѣ представить что онъ сдѣлалъ изъ этого слабаго произведенія. *Чернецъ* мнѣ показался chef d'oeuvre. Послѣ десятковъ лѣтъ

не могу забыть блѣднаго лица Мочалова, его груднаго голоса и безвыходнаго горя выраженнаго однимъ простымъ жестомъ при этихъ словахъ:

Простить хотѣлъ, простить не могъ!

По окончаніи чтенія онъ скрылся; я его искала глазами, хотѣлось подойти къ нему, поговорить съ нимъ, но въ залѣ его не было. Хозяйка дома мнѣ сказала:

— Вы ищете Мочалова, ему сдѣлалась дурно; его провели въ кабинетъ мужа.

Директоромъ московскихъ театровъ былъ тогда Михаилъ Николаевичъ Загоскинъ. Бабушка моя Новосильцева и ея дочери очень любили его и его жену Анну Дмитріевну и возили меня иногда къ нимъ. Они мнѣ оставили самое хорошее воспоминаніе. Вижу какъ теперь небольшаго роста худощавую женщину, со строгимъ профилемъ и смуглымъ лицомъ, увядшую, больную, но спокойную, кроткую, со свѣтлою улыбкой на губахъ. Она вообще мало говорила. Михаилъ Николаевичъ наоборотъ былъ полный и здоровый старикъ, сохранившій юношескую живость характера и пріемовъ. Все въ немъ кипѣло и просилось наружу, и отъ каждаго слова вѣяло искренностью и добротой. Ни одинъ писатель не отразился такъ вѣрно какъ онъ въ своихъ произведеніяхъ.

Мы обязаны Загоскину сохраненіемъ нашей старины. Съ помощью барона Б. онъ возстановилъ терема, дворцовыя церкви и привелъ въ порядокъ Оружейную Палату. Я слышала отъ него что въ одной изъ этихъ старинныхъ церквей, а именно въ Воскресеньѣ Славущихъ, при имлераторѣ Александрѣ I помѣщался курятникъ истопниковъ.

Загоскинъ наколилъ значительную сумму изъ денегъ сбереженныхъ отъ доходовъ Большаго Театра и построилъ въ Петровскомъ Паркѣ небольшой, но прелестный театръ. Ложи были обиты голубымъ бархатомъ; по вечерамъ публика собиралась тамъ или въ вокзалѣ гдѣ танцовали подъ звуки оркестра. Петровскій Паркъ былъ любимымъ гуляньемъ московскаго общества. Пышно съ тѣхъ поръ разрослись въ немъ деревья, но дачи далеко не такъ хороши; а ими-то и щеголяли прежніе владѣльцы. Балконы и скверы были усѣяны цвѣтами; проволочныя рѣшетки, покрытыя душистымъ горошкомъ или конволвулусомъ, окружали палисадники. Вездѣ кипѣла жизнь. У Загоскиныхъ были свои дачи; пріѣдешь бывало къ нимъ, проведешь день съ милыми

хозяевами, а вечеръ въ директорской ложѣ. Михаилъ Николаевичъ любилъ общество молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ. Къ женѣ своей онъ былъ глубоко привязанъ и оба особенно горячо любили младшаго сына, который унаслѣдовалъ ихъ прекрасныя качества.

Двадцать лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось провести лѣто въ Паркѣ; онъ совершенно утратилъ свой блескъ. Театръ былъ давно закрытъ и крыша проваливалась, о вокзалѣ не было помина; на Башиловкѣ стояли кое-гдѣ полуразрушенныя строенія, а по аллеямъ гуляло Замоскворѣчье и Кузнецкій Мостъ.

Публика сороковыхъ годовъ увлекалась всякимъ вопросомъ, научнымъ, художественнымъ, общественнымъ. Вкусъ ея выработали первоклассные писатели и артисты; казалось чѣмъ болѣе стѣсняли ее тогдашнія условія жизни, тѣмъ глубже былъ ея интересъ къ умственнымъ и художественнымъ вопросамъ и явленіямъ. Однимъ изъ главныхъ—былъ тогда споръ славянофиловъ съ западниками, споръ, который отчасти не умолкаетъ до нашего времени. Общество слѣдило за борьбой съ напряженнымъ вниманіемъ. Цензура не разрѣшала заявить свои убѣжденія въ достаточно опредѣленной формѣ, но они высказывались гдѣ могли, какъ могли; такъ, между прочимъ, представленіемъ водевиля Константина Сергѣевича Аксакова: *Москва и Петербургъ*.

Я не знала лично К. С. Аксакова, но кто изъ Москвичей не помнитъ его честнаго и симпатичнаго лица, кто, не исключая и противниковъ его, не уважалъ его? Его водевиль привлекъ въ театръ массу народа. Содержаніе піесы ничтожно; вся мысль автора сосредоточена въ куплетахъ, которые были не пропѣты, а сказаны одни Самаринымъ игравшимъ роль Петербурга, другіе Москвичемъ Щепкинымъ. Они встрѣчаются на станціи и каждый расхваливаетъ свой родной городъ. Самаринъ сказалъ куплеты отчетливо, ясно, ловко, съ удареніемъ на иностранныхъ словъ:

Россіи городъ европейскій,
Богатъ и безподобенъ онъ,
Въ немъ блещетъ шлицъ адмиралтейскій,
Въ немъ корабли отъ всѣхъ сторонъ.

Имперіи краса столица,
Онъ возрастаетъ каждый часъ,
Онъ центръ, въ томъ всякій согласится,
Цивилизаціи у насъ.

Во всемъ характеръ просвѣщенья,
И сказано о немъ давно,
Что въ немъ въ Европу, безъ сомнѣнья,
Для насъ прорублено окно.

Какъ пышно онъ себя украсилъ!
Мосты, проспекты, Лѣтній Садъ,
Какъ онъ себя обезопасилъ!
Онъ въ море выдвинулъ Кронштадтъ.

Къ нему и врагъ не прикасался;
Въ Россіи много было бѣдъ,
Но онъ всегда отъ нихъ спасался,
Ему не вреденъ общій вредъ.

Все что̀ онъ дѣлаетъ не ломко,
Онъ мудръ и славенъ какъ Ликургъ,
И тостъ произношу я громко:
Да здраствуетъ Санктпетербургъ!

Публика не отозвалась. Щепкинъ возражаетъ:

Столица древняя, родная,
Ее ль не вѣдаетъ страна?
Ее назвать, и Русь Святая
Съ ней вмѣстѣ разомъ названа.

У ней съ землей однѣ невзгоды,
Одно веселье—общій трудъ,
Ея дѣла—любовь народа
Ей право вѣчное даютъ

За Русь не разъ она горѣла,
Встрѣчая лолчища племенъ,
За Русь не разъ она терпѣла
И лоношеніе, и плѣнъ,

Въ напастяхъ вмѣстѣ съ нею крѣпла,
Мужалась, Господа моля,
И возникала вновь изъ пепла
И съ нею Русскал земля.

Но въ страхъ врагамъ, но въ радость края
Она велика и жива,
И старый кличъ я поднимаю
Да вѣчно здравствуетъ Москва!

Этотъ кличъ вызвалъ громъ рукоплесканій обоихъ лагерей. Въ сущности Москва была всѣмъ одинаково дорога; Герценъ говорилъ въ изгнаніи что далъ бы десять лѣтъ жизни за день проведенный въ Москвѣ.

Назвавъ Герцена, не могу не остановиться на немъ.

Онъ былъ двоюродный братъ (незаконный) моего зятя Голохвастова (мастерски описаннаго имъ въ *Былое и Думы*), но рѣдко навѣщалъ его, и я видѣла Герцена только разъ, у Грановскихъ, наканунѣ его отъѣзда за границу. Онъ вошелъ шумно, весело и крикнулъ:

— Грановскій, почему ты не обѣдалъ сегодня у Шевалье? Намъ подали супъ printanière, котлеты, спаржу и Чаадаева.

Пріѣхали гости, Огаревъ и Боткинъ, но все мое вниманіе было обращено на Герцена. Его остроты сыпались какъ фейерверкъ. Сѣли къ чайному столу, и вдругъ онъ спросилъ у меня читала ли я Ж. Санда.

Вопросъ меня смутилъ. Я прочла тайкомъ одинъ ея романъ, въ чемъ сознаться не хотѣлось, но не хотѣлось и солгать; я сказала правду.

— Я бы угадалъ что вы читали Ж. Санда тайкомъ, отвѣчалъ онъ улыбаясь.—Тамъ у васъ она не въ чести. Читайте ее пожалуста. Ея вліяніе необходимый противовѣсъ сухости и пошлости понятій которыми старались васъ пропитать.

И онъ заговорилъ о Ж. Сандѣ со жгучимъ краснорѣчіемъ. Въ его сочувствіи къ знаменитой писательницѣ сказались душевная теплота и искренность.

Онъ стоялъ за свободу чувства, отстаивалъ права женщинъ противъ притѣснительныхъ условій общества и черствости понятій отживающаго поколѣнія. Не такъ ли точно Герценъ увлекался и политическими мнѣніями и не самъ ли приходилъ въ ужасъ когда его стали навѣщать въ Лондонѣ соціалисты самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ, ссылаясь на единомысліе съ нимъ.

Въ лагерѣ славянофиловъ проповѣдывали безусловную покорность долгу, какъ бы жутко ни приходилось, затворничество женщинъ и безграничную власть мужа и родителей. И въ той и въ другой партіи вдавались въ крайность; понятно что для молодежи было больше обаянія въ теоріяхъ западниковъ, но въ обѣихъ партіяхъ были честныя стремленія и желаніе добра.

Герценъ спросилъ у меня, читала ли я *Теверино* (Ж. Санда), и на мой отрицательный отвѣтъ сказалъ:

— Я вамъ пришлю эту книгу, и она васъ поссоритъ окончательно съ предразсудками воспитанія.

Онъ дѣйствительно прислалъ ее мнѣ, но я была слишкомъ молода чтобъ оцѣнить ея значеніе. Она оскорбила мои лучшія чувства; истину заключенную въ ней я поняла уже тогда когда опытъ и знаніе людей заставили вникнуть въ

премудрость французской поговорки: tout comprendre c'est tout pardonner.

Одинъ изъ самыхъ горячихъ поклонниковъ Ж. Санда былъ Василій Петровичъ Боткинъ. Странно что до сихъ поръ нѣтъ біографіи такой крупной личности. Во Франціи, напримѣръ, много было бы о немъ толковъ, но у насъ и не онъ одинъ прошелъ незамѣченнымъ. Вотъ немногія свѣдѣнія о его дѣтствѣ и первой молодости.

Годовымъ ребенкомъ онъ былъ увезенъ изъ Москвы во время нашествія Французовъ. Отецъ его, вернувшійся къ развалинамъ своего имущества, долженъ былъ начать все сызнова. Когда мальчикъ подросъ, его отдали въ пансіонъ, гдѣ онъ, при выдающихся способностяхъ, научился понимать французскія и нѣмецкія книги. Боткинъ уже былъ юношей когда отецъ, не допускавшій противорѣчій, требовалъ чтобъ онъ занимался при чайномъ складѣ. Но его врожденные инстинкты не мирились съ чисто практическими условіями жизни; привольное житье богатаго купеческаго быта онъ промѣнялъ на трудность и сухость элементарнаго ученія и, покорившись отцу, все-таки находилъ время для науки. Неутомимою любознательностью и счастливою памятью можно объяснить широкое знакомство его со всѣми европейскими литературами доступными ему въ оригиналахъ. Библіотека его была составлена изъ французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, италіянскихъ и испанскихъ книгъ. Онъ отправлялся въ складъ захвативъ съ собою Гегеля.

Его образованіе, умственная зоркость и подъ часъ желчное остроуміе скоро сблизили его со всѣми представителями тогдашней интеллигенціи: Грановскимъ, Герценомъ, Станкевичами, Бѣлинскимъ, Катковымъ и въ послѣдствіи съ кружкомъ *Современника*. Тамъ онъ пользовался большимъ авторитетомъ.

Я не думаю чтобъ онъ грѣшилъ излишнею горячностью сердца, но искусство, во всѣхъ его отрасляхъ, пробуждало лучшія свойства его природы. На свои личные расходы онъ получалъ отъ разчетливаго отца всего тысячу рублей ассигнаціями въ годъ, однако нашелъ средство выкупить крѣпостнаго мальчика, Горбунова, замѣтивъ въ немъ способности къ живописи, и отдалъ его въ художественный классъ. Въ то же время онъ платилъ за уроки музыки другаго бѣднаго мальчика, Билибина, лишая себя не только прихотей, но можетъ-быть и необходимаго. Онъ же доплачивалъ учителямъ сестеръ и младшихъ братьевъ, а провести братьевъ черезъ университетъ стоило ему не малой борьбы съ отцомъ.

Онъ мечталъ о путешествіи, и при первой возможности поѣхалъ за границу. Его воспріимчивая природа скоро усвоила себѣ свѣтскій лоскъ безъ котораго трудно было бы попасть въ европейское общество. Изъ Лондона онъ вернулся англоманомъ и уговаривалъ своихъ знакомыхъ учиться англійскому языку. Одно увлеченіе у него смѣнялось другимъ, какъ скоро переживало, по его собственному выраженію, свой медовый мѣсяцъ. Послѣ англоманіи пришла очередь музыки, затѣмъ живописи. Страстно ее полюбивъ, онъ исходилъ пѣшкомъ, по горамъ, въ зимнее время, всѣ старинные монастыри Италіи и нажилъ себѣ ревматизмы, отъ которыхъ никогда не освободился; они же его свели въ могилу 57 лѣтъ отъ роду.

За русскою литературой онъ слѣдилъ съ напряженнымъ вниманіемъ. Плохое или неудачное произведеніе такъ раздражало его артистическое чувство что, не стѣсняясь приличіемъ, онъ не щадилъ ѣдкихъ комментаріевъ на писателей которые обращались къ нему за совѣтомъ и доводилъ ихъ до изступленія. Тургеневъ, съ сердцемъ, называлъ его *Василискъ* Петровичъ. Онъ не былъ способенъ на постоянную и горячую привязанность, а отдавался всецѣло минутному впечатлѣнію дѣйствовавшему на его нервы, пріятному или непріятному, хорошему или дурному; онъ капризничалъ какъ женщина. Понравиться ему было легко, но также легко попасть въ немилость; все зависѣло отъ нервнаго настроенія. Иногда его снисхожденіе къ человѣческимъ слабостямъ доходило до распущенности, иногда онъ былъ черезчуръ золъ въ своихъ осужденіяхъ. Идеалы его часто мѣнялись. Сегодня онъ превозносилъ Маргариту Готье, а на другой день образъ честной женщины. Эликуреецъ въ полномъ смыслѣ слова—гастрономическій обѣдъ былъ ему также необходимъ какъ картина великаго мастера, какъ стихъ Пушкина. Денегъ онъ не жалѣлъ на драгоцѣнныя произведенія искусства.

Когда здоровье ему совсѣмъ измѣнило, онъ съ великимъ трудомъ перебрался въ Петербургъ, не желая умереть за границей, и до послѣдняго дня жизни угощалъ своихъ знакомыхъ классическими квартетами и тонкими обѣдами, до которыхъ самъ не прикасался.

Его произведенія являлись рѣдко въ печати, но были безупречно хороши, какъ напримѣръ письма объ Испаніи и нѣсколько критическихъ статей.

Выше всѣхъ замѣчательныхъ людей той эпохи стоялъ Грановскій. Я его хорошо знала, но о немъ такъ много писали что все что̀ я скажу о немъ мнѣ самой покажется вяло и

безцвѣтно. Чтобы передать вполнѣ всѣ оттѣнки его тонкой и глубокой природы и облечь ихъ въ живой образъ, надо быть художникомъ.

Я встрѣчала иногда въ свѣтѣ невзрачную, некрасивую, но умную, бросающуюся въ глаза фигуру Алексѣя Степановича Хомякова. Онъ имѣлъ большое значеніе въ лагерѣ славянофиловъ, но въ гостиной Соймоновыхъ, гдѣ онъ бывалъ иногда, на него иначе не смотрѣли какъ на свѣтскаго человѣка и пріятнаго собесѣдника. Онъ острилъ надъ пріятелями и противниками и велъ блестящій разговоръ пересыпанный уморительными анекдотами. Разъ кто-то коснулся безобразія нашихъ проселочныхъ дорогъ; Хомяковъ, только-что пріѣхавшій изъ деревни, разказалъ что онъ провалился на мосту. Мужики стали вытаскивать коляску изъ воды; одинъ изъ нихъ смотрѣлъ, покачивая головой, надломленный экипажъ и замѣтилъ: „И ты тоже, баринъ! видишь мостъ, а самъ такъ на него и лѣзешь.“

— Какъ у васъ не принимаютъ мѣръ противъ такого зла? спросилъ слушавшій анекдотъ путешественникъ.

— Мѣры у насъ принимаютъ, отвѣчалъ одинъ острякъ.—Ежедневно во всѣхъ россійскихъ церквахъ молятся о путешествующихъ.

— У насъ православные мосты, сказалъ Алексѣй Степановичъ.—Къ нимъ нельзя подъѣзжать иначе какъ со крестомъ и съ молитвой.

Никто какъ онъ не обладалъ способностью придраться къ слову сказанному иногда невзначай и сдѣлать изъ него предметъ цѣлаго разговора. Другихъ представителей славянофильства я не знала лично.

—

Распри западниковъ и славянофиловъ не озабочивали Соймоновыхъ. Ихъ жизнь сложилась на неизмѣнный ладъ безпечный и патріархальный. Екатерина Александровна была гораздо старше меня и сестры, но очень любила насъ, и мы видались часто, иногда пріѣзжали къ обѣду, и вставъ изъ-за стола оставались втроемъ, пока хозяева отдыхали. Въ наши интимныя бесѣды вмѣшивался не рѣдко Бюкеръ, нѣмецкій профессоръ, которому Александръ Николаевичъ поручилъ воспитаніе своего единственнаго сына.

Мальчикъ не удался. Природныя свойства не покорялись стараніямъ воспитателей, и я полагаю что Бюкеръ не преминулъ бы отъ него отказаться еслибы чувство сильнѣе всякаго соображенія не приковало его къ дому.

Человѣкъ онъ былъ выдающійся и по уму, и по даровитости, и по личному характеру. Онъ соединялъ любовь къ наукѣ съ любовью къ поэзіи, и благодаря этому рѣдкому сочетанію и тонкой наблюдательности, которая скрывалась подъ флегматическою наружностью, бесѣды съ нимъ были крайне занимательны и пріятны. Екатерина Александровна ему внушила взаимную, но безнадежную страсть. Бракъ былъ немыслимъ. Но они наслаждались счастьемъ жить подъ одною кровлей и въ будущее не заглядывали. На видъ она была весела попрежнему и къ крайнему сожалѣнію отца слышать не хотѣла о замужествѣ, а въ женихахъ недостатка не было и она умѣла имъ отказывать такъ ловко и мягко что они оставались съ ней въ хорошихъ отношеніяхъ. Никто не подозрѣвалъ ея тайны, и мы съ сестрой ничего не замѣтили.

Не могу умолчать о странномъ случаѣ, объ одномъ изъ тѣхъ случаевъ которые останутся для насъ вѣчною загадкой. Разъ утромъ Бюкеръ сидѣлъ на скамейкѣ въ саду съ книгой въ рукахъ. Вдругъ онъ слышитъ голосъ Екатерины Александровны, она громко зоветъ: „Бюкеръ!“ Онъ оглянулся. Это было раннею весной, деревья не успѣли покрыться зеленью и сквозь обнаженныя вѣтви все можно было бы видѣть. Убѣдившись что никого нѣтъ въ саду и что ему показалось что его звали, онъ продолжалъ читать,

— Бюкеръ! повторилъ знакомый голосъ.

Бюкеръ началъ было опять оглядываться, но его позвали въ третій разъ и такъ повелительно что онъ вскочилъ и не успѣлъ отойти шаговъ на двадцать какъ старое дерево подъ которымъ онъ сидѣлъ повалилось и раздавило скамейку съ которой онъ только-что успѣлъ встать. Онъ вошелъ поспѣшно въ гостиную; Екатерина Александровна принимала гостей. На вопросъ Бюкера, звала ли она его, она отвѣчала съ удивленіемъ что не звала и узнала только позднѣе въ чемъ дѣло.

У Соймоновыхъ была подмосковная со старинным садомъ и домомъ, съ проспектами и саженными рощами, настоящій кладъ, который послѣ смерти старика продали съ аукціоннаго торга за долги сына. Сердце бы перевернулось еслибы пришлось случайно заглянуть въ это разрушенное гнѣздо. Сколько такихъ завѣтныхъ уголковъ было разрушено на моей памяти или смертью или силой обстоятельствъ.

На лѣтніе мѣсяцы семейство переѣзжало въ подмосковную. Свѣтскія обязанности не разлучали Екатерину Александровну

съ любимымъ человѣкомъ: они пользовались совершенною свободой и болѣе полнаго счастья не смѣли ожидать отъ судьбы.

Прошло нѣсколько лѣтъ...

Я часто видала у Соймоновыхъ ихъ родственника N. Онъ былъ большой интриганъ, всегда готовый вмѣшиваться въ чужія дѣла, посуетиться, посплетничать, и терпѣть не могъ Бюкера, который не восхищался ни его плоскими каламбурами, ни грязными двусмысленностями. N. почуялъ что въ семействѣ разыгрывается романъ и рѣшилъ что надо ему положить конецъ, хоть бы для того чтобы повредить ненавистному человѣку. Екатеринѣ Александровнѣ уже минуло тридцать лѣтъ, и плохо ее зная, онъ не сомнѣвался что она воспользуется съ радостью возможностью выйти замужъ. Женихъ былъ на примѣтѣ: Александръ Николаевичъ теперь уже жалѣлъ о баронѣ Фиркcѣ и каялся что поступилъ опрометчиво отказавъ ему, не провѣря слуховъ можетъ-быть ложныхъ. Помимо Екатерины Александровны, но съ вѣдома ея отца, N написалъ Фиркcу чтобъ онъ послѣшилъ въ Москву если не забылъ своей невѣсты, и во всякомъ случаѣ не сомнѣвался бы въ согласіи семейства.

У Соймоновыхъ былъ вечеръ; мы пріѣхали, какъ и всегда, раньше другихъ и замѣтили съ перваго взгляда что-то необыкновенное. Екатерина Александровна ходила взадъ и впередъ одна въ билліардной. Брови ея сдвинулись, она была очень взволнована.

— Что съ тобой? спросили мы.

— Со мной?... Ничего. А что? Вы увидите сегодня моего стараго знакомаго, барона Фиркса.

— Ты какъ будто этимъ недовольна?...

— За то другіе довольны, отвѣчала она, измѣняя своей обыкновенной сдержанности.—Его выписали... женихъ... Теперь согласны: товаръ лостарѣлъ и лодешевѣлъ, вотъ его и сбываютъ.

— Когда пріѣхалъ Фиркcъ?

— Онъ только-что пріѣхалъ и написалъ. Его звали на вечеръ. Да, онъ мнѣ когда-то нравился. Это была первая вспышка молодости, теперь даже самой не вѣрится.

Раздался звонокъ, и она вдругъ преобразилась, встрѣтила гостей привѣтливою улыбкой и съ тою же улыбкой и спокойнымъ выраженіемъ лица протянула руку вошедшему барону Фиркcу.

— Давно мы не видались, сказала она.—Какъ это вамъ вздумалось заглянуть въ Москву?

Я не замѣтила какъ этотъ вопросъ подѣйствовалъ на него и не знаю что онъ отвѣчалъ; я не спускала глазъ съ Екатерины

Александровны. Она подходила поочередно къ гостямъ, говорила, слушала и наконецъ сѣла противъ меня и Бюкера съ чашкой чая въ рукахъ. Фиркъ сейчасъ же занялъ мѣсто около нея и началъ вполголоса разговоръ. Она отвѣчала непринужденно и весело...

На ней было бѣлое платье и косынка изъ чернаго кружева на плечахъ. „Вѣдь далеко не красавица, а какая гармонія во всей ея особѣ“, замѣтилъ кто-то.

Свѣтскій навыкъ не пріучилъ Бюкера владѣть собою. Онъ былъ блѣденъ какъ полотно, и мы обмѣнивались рѣдкими словами; чашка дрожала въ его рукѣ. Я какъ теперь гляжу на эту небольшую руку, загорѣвшую до кисти, съ бирюзовымъ колечкомъ на мизинцѣ.

Въ гостиной было душно; отворили двери на террасу, и кто-то предложилъ погулять въ саду. Екатерина Александровна, выдержавшая свою роль цѣлый вечеръ, забыла ее на минуту: предложеніе ее такъ обрадовало что она не совладала съ собою.

— Пойдемте, пойдемте! подхватила она, бросаясь къ дверямъ.

— Катенька, Катенька! сказала возвысивъ голосъ Марья Александровна,—надѣнь шаль, простудишься...

Она обернулась и схватила чужую мантилью. Часть гостей и Бюкеръ вышли на террасу.

Я не могла прослѣдить день за днемъ что произошло въ семействѣ, до насъ дошли только нѣкоторыя подробности. Екатерина Александровна призналась Фиркcу не обинуясь что она любитъ другаго; онъ поступилъ какъ честный человѣкъ, благодарилъ ее за довѣріе и не настаивалъ. Эта неожиданная развязка убѣдила N что чувство Бюкера было раздѣлено, и онъ открылъ старикамъ причину упорства ихъ дочери. Александръ Николаевичъ былъ пораженъ и едва опомнившись поспѣшилъ устранить скандалъ. Безъ крика и шума онъ просилъ Бюкера уѣхать изъ Москвы для спокойствія семейства и чтобы репутація Екатерины Александровны не пострадала отъ неизбѣжныхъ толковъ. Бюкеръ самъ сознавалъ что разлука была единственнымъ исходомъ который могъ ее спасти отъ пересудовъ и отъ тяжелой и напрасной борьбы съ отцомъ. Онъ далъ слово удалиться и даже въ домѣ не остался до отъѣзда.

Я видѣла сцену которую, безъ сомнѣнія, вызвали многія другія сцены. Озабоченные горемъ нашей милой Екатерины Александровны, мы пришли къ ней въ непріемный часъ, послѣ обѣда. Ея глаза раскраснѣлись отъ слезъ. Она просила насъ подождать въ ея кабинетѣ, а сама, не затворивъ за собою двери, прошла въ сосѣднюю комнату и опустилась въ кресло. Эта комната

отдѣляла кабинетъ отъ гостиной, а за гостиной была спальня Марьи Александровны. Прошло нѣсколько минутъ совершенной тишины, и мы съ сестрой сидѣли не смѣя шевельнуться. Вдругъ въ дверяхъ спальни показалась высокая фигура Марьи Александровны. Она двигалась какъ тѣнь, усталымъ шагомъ вдоль гостиной, остановилась противъ дочери и опустилась на колѣни. Екатерина Александровна вскрикнула и закрывъ лицо руками бросилась вонъ. А мы ушли не дождавшись ея возвращенія.

Вскорѣ послѣ того она пріѣхала къ намъ въ сумерки и застала меня одну

— Хочешь провести у насъ вечеръ? что тебѣ дѣлать однойто? Одѣвайся скорѣй.

Черезъ пять минутъ я была готова; мы сѣли въ карету и обѣ довольно долго молчали. Я не рѣшалась дѣлать вопросовъ, вдругъ она заговорила:

— Я провела сегодня у васъ полтора часа и всѣхъ застала. Понимаешь?

— Понимаю.

— Савватій, скорѣй, крикнула она, опуская стекло, затѣмъ обратилась ко мнѣ.—Почему ты причесала волосы вгладь? Букли, букли къ тебѣ пристали; ты должна носить букли.

Мы опять замолчали. Когда карета остановилась у подъѣзда, Екатерина Александровна мнѣ сказала:

— Бюкеръ проситъ тебя и сестру твою не забывать его. Завтра онъ уѣзжаетъ за границу.

Уѣхалъ Бюкеръ и мирный строй жизни Соймоновыхъ возстановился какъ будто ничто не нарушало его, но въ 56мъ году Александръ Николаевичъ скончался, и большая часть состоянія отошла его сыну. Домъ гдѣ столько десятковъ лѣтъ жило семейство былъ проданъ. За вырученную сумму мать и дочь заплатили долгъ оставленный покойнымъ и переѣхали на квартиру. Никто изъ ихъ друзей не могъ привыкнуть къ этому новому пепелищу. Оно было, сравнительно по крайней мѣрѣ, сухо, холодно, тѣсно, но онѣ покорялись безропотно лишеніямъ и непривычному складу жизни. Изъ массы знакомыхъ которые въ праздничные дни толпились въ ихъ гостиныхъ, очень немногіе навѣщали ихъ. Въ первый разъ я постигла премудрость правила: истинные друзья познаются только въ несчастьѣ.

Екатерина Александровна не могла до конца жизни вспомнить равнодушно о своемъ миломъ Теплом и о московскомъ домѣ, но отдыхала отъ пріемовъ и вечеровъ. Свѣта она никогда не

любила и онъ ей опостылѣлъ послѣ драмы разбившей ея сердце. Она дѣлилась съ нами воспоминаніями о прошедшемъ и своею радостью когда получала письмо изъ Германіи.

А Бюкеръ? Долго онъ томился въ изгнаньѣ, не могъ приняться за занятія и боялся сойти съ ума. Нервная горячка чуть было не свела его въ могилу, но спасла отъ помѣшательства. Онъ былъ человѣкъ безсемейный и лежалъ одинъ безъ ухода въ гостиницѣ. Надъ нимъ сжалилась его сосѣдка, одинокая вдова, жившая своимъ трудомъ, и замѣнила ему сестру милосердія. Она слишкомъ горячо къ нему привязалась, но онъ ей отвѣчалъ лишь благодарностью и дружбой.

Его судьба мучила Екатерину Александровну. Заглушивъ чувство эгоизма, нераздѣльное съ любовью, она писала Бюкеру что на ея совѣсти лежитъ какъ грѣхъ его испорченная жизнь и умоляла его жениться на другой. Письмо его огорчило. Жениться на другой было невозможно для него и какъ она могла помириться съ этою возможностью!

На бѣду немедленно по полученіи письма онъ встрѣтилъ русскую даму только-что пріѣхавшую изъ Москвы и слышалъ отъ нея что Екатерина Александровна помолвлена за князя М. и свадьба уже объявлена. Бюкеръ былъ подозрителенъ и вспыльчивъ: совпаденіе этой басни съ содержаніемъ письма его поразило. Онъ усомнился въ искренности любимой женщины и безкорыстную просьбу ея приписалъ не самоотверженію, а желанію загладить свою вину. Въ первомъ порывѣ отчаянья онъ разказалъ свою исторію вдовѣ и сдѣлалъ ей предложеніе, не скрывая впрочемъ что забыть своей первой и единственной любви будетъ выше силъ его.

Онъ женился. Что̀ испыталъ онъ когда недоразумѣніе разъяснилось! Екатерина Александровна поспѣшила его утѣшить и успокоить, и чѣмъ болѣе она забывала о себѣ тѣмъ выше становилась въ его глазахъ. Въ 1860 году я была въ Дрезденѣ, и по первому приглашенію Бюкеръ явился ко мнѣ. Онъ такъ состарѣлся что я бы не вдругъ его узнала. Мы оба были смущены, а онъ съ трудомъ выговаривалъ слова. Я ему отдала письмо и посылку изъ Москвы, онъ ихъ поднесъ къ губамъ дрожащею рукой. Не скоро завязался разговоръ. Бюкеръ содержалъ пансіонъ, у него было двое дѣтей, къ которымъ онъ привязался, о своей женѣ онъ говорилъ съ уваженіемъ и дружбой, и вообще не роптalъ на свою участь, но счастье осталось далеко, въ Москвѣ. Ежегодно 24 ноября стараго стиля все семейство убирало цвѣтами портретъ Екатерины Александровны.

„Жена моя и дѣти знаютъ, что нельзя мнѣ дать лучшаго доказательства любви“, сказалъ Бюкеръ. Онъ жаловался на скуку нѣмецкаго общества. „Русскія женщины меня избаловали своей развитостью, а наши, за исключеніемъ хозяйства, ни о чемъ говорить не способны.“

Я простилась на долго съ Бюкеромъ, и съ тѣхъ поръ его не видала. Онъ овдовѣлъ когда его сыновья уже успѣли вступить въ университетъ; другихъ усложненій не было ни въ его жизни, ни въ жизни Екатерины Александровны. Года проходили съ томительнымъ однообразіемъ; она занималась хозяйствомъ, приводила въ порядокъ разстроенное состояніе и заботилась неусыпно о матери, но около нея все было вяло и мертво. Черты ея лица почти не измѣнились, но она потолстѣла отъ сидячей жизни. Перескочивъ черезъ крупное число лѣтъ, я кончаю развязкой ея романа.

Марья Александровна скончалась въ исходѣ шестидесятыхъ годовъ. Мы извѣстили Бюкера, и получили немедленно отвѣтъ, съ порученіемъ передать письмо Екатеринѣ Александровнѣ. Понятно мнѣ дѣйствіе произведенное этимъ письмомъ. Она ушла въ свою комнату чтобы прочесть его наединѣ, и когда вернулась, лицо ея сіяло.

— А чтобы тебѣ развлечься, съѣздить за границу? сказала я.

— Вѣрно, ты отгадала, отвѣчала она, обнимая поочередно то меня, то сестру.

Она выбрала на этажеркѣ своей матери драгоцѣнныя вещицы и подарила ихъ намъ въ память этого дня. Но ей какъ будто не вѣрилось что она свободна, она словно боялась сбросить съ себя сразу цѣпи наложенныя на нее съ дѣтства, и отвѣчала намъ когда мы совѣтовали ей не откладывать отъѣзда:

— Нѣтъ, нѣтъ, дождусь до шести недѣль.

По прошествіи ихъ она поѣхала и провела нѣсколько мѣсяцевъ въ Германіи. Двадцати-четырехъ-лѣтняя разлука не измѣнила ни ее, ни Бюкера; они обрадовались другъ другу какъ будто разстались наканунѣ. Екатерина Александровна, сообщая мнѣ подробности этого свиданія, сказала: „когда-нибудь, когда меня уже не будетъ, ты можешь написать мою печальную повѣсть.“

Семейныя обстоятельства задержали ее въ Россіи, но она мечтала о новомъ путешествіи и держала все на готовѣ чтобы воспользоваться первою удобною минутой. Смерть похитила ее неожиданно.

(Продолженіе будетъ.)

ОЛЬГА N.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

(*Продолженіе*).

На лѣтніе мѣсяцы насъ отпускали въ деревню подъ надзоромъ брата и старой служанки. Наша деревня находилась въ двадцати пяти верстахъ отъ Серпухова; мы выросли въ ней, ее любили наши родители, и поѣздка въ Юсуко́во была для насъ великая радость. Одна изъ этихъ поѣздокъ мнѣ въ особенности памятна.—Тогда еще не было чугунки, ѣздили по шоссе на ямскихъ; отъ Серпухова дорога лежала берегомъ; мы доѣхали до перевоза въ восьмомъ часу вечера; чтобъ перебраться на другую сторону, пришлось долго ждать парома, я не дождалась, велѣла себя перевезти въ лодкѣ и пошла пѣшкомъ домой. Я спѣшила въ родную деревню какъ на встрѣчу дорогому существу послѣ долгой разлуки; надо было пройти около трехъ верстъ. Съ неописанной радостью я поднялась въ березовый лѣсъ, какимъ въ той мѣстности изобиловали тогда берега Оки; вотъ знакомыя поля, окаймленныя селеніями и рощами, вотъ часовня съ иконой Спасителя, подъ высокой березой, и за ней двойной и длинный рядъ березъ, примыкающій къ усадьбѣ; вотъ и широкій дворъ, окруженный каменной оградой, обставленный людскими и кухней, и надъ ними возвышается старинный двухъ-этажный домъ. Мы жили наверху; окна моей комнаты выходили въ садъ, а тамъ

„Шумѣли темныхъ липъ аллеи...

Она была раздѣлена двумя колоннами; за одной изъ нихъ низенькая арка обозначала входъ въ молельню, украшен-

ную семейными иконами. Окошечко, изъ разноцвѣтныхъ стеколъ, выходящее въ уборную, освѣщало радужными переливами красокъ темные лики и богатыя ризы. Сколько воспоминаній вызывали во мнѣ эти иконы! Мать моя, дѣдушка, старая няня молились имъ и насъ учили молиться; куда-бы я ни обернулась, знакомые и любимые предметы встрѣчали взоръ.

Я немного устала, сѣла на диванъ и не знаю, какъ меня застигъ крѣпкій сонъ. Когда я проснулась, уже смеркалось, въ саду голосили соловьи, а въ прудѣ квакали лягушки. Торопливый стукъ шаговъ вмѣстѣ съ звукомъ веселыхъ голосовъ раздавались въ залѣ и въ корридорѣ; сестры хлопотали около самовара...

Рядомъ съ усадьбой была саженая роща. Широкая аллея старинныхъ березъ отдѣляла французскій садъ отъ фруктоваго и спускалась довольно крупнымъ скатомъ до пруда; по его обѣимъ сторонамъ, на горѣ, были разбросаны избы. Рѣдкое семейство не обзавелось ульями, садомъ съ яблонями или огородомъ; мужики жили привольно.

На другой день по пріѣздѣ мы посылали къ нашимъ сосѣдямъ Мосоловымъ узнать о здоровьѣ, и получили приглашеніе на обѣдъ; такъ было заведено.

Николай Семеновичъ Мосоловъ былъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей, которыхъ мнѣ довелось видѣть. Начнемъ съ наружности. Представьте себѣ высокаго роста худощаваго старика, съ огромной головой, на которой лежали въ живописномъ безпорядкѣ сѣдые волосы. Умное выраженіе черныхъ глазъ смѣнялось иногда кроткимъ блескомъ, носъ былъ ястребиный, ротъ большой. Старикъ носилъ неизмѣнно длинный сюртукъ и около шеи шерстяной или шелковый шарфъ, смотря по времени года.

Женился онъ уже зрѣлыхъ лѣтъ, поселился въ деревнѣ и прожилъ въ ней до глубокой старости. Хозяйствомъ онъ почти не занимался; хорошее состояніе давало ему возможность уклониться отъ мелочныхъ хозяйственныхъ хлопотъ и вести жизнь, свободную отъ матеріальныхъ заботъ.

Братья Мосоловы были извѣстные знатоки въ живописи

и охотники до породистыхъ лошадей. Николай Семеновичъ собралъ небольшую, но рѣдкую галлерею картинъ первоклассныхъ мастеровъ; гостиная его Жерновскаго дома была ими убрана. Ван-Дикъ, Вуверманъ, Рембрандтъ, Вандер-Вельдъ замѣняли ему вполнѣ то блистательное свѣтское положеніе, отъ котораго онъ добровольно отказался. Библіотека была составлена изъ лучшихъ писателей прошедшаго и нынѣшняго столѣтій.

Вліяніе Ж. Ж. Руссо отразилось на воспитаніи единственнаго сына Николая Семеновича: изъ системы Руссо онъ извлекъ все, что было вообще удобоприложимо; между прочимъ, ребенокъ выучился столярному ремеслу, и довелъ его до искусства.

Въ выборѣ книгъ преобладали творенія энциклопедистовъ, которые такъ сильно волновали умы современниковъ и долго оставались въ славѣ.

Были и превосходныя иллюстрированныя изданія 18-го вѣка, между прочимъ путешествіе извѣстнаго натуралиста Levaillant, басни Лафонтена и т. п. Нѣкоторыя книги принадлежали герцогу Орлеанскому, ихъ привезли въ Россію во время французской революціи. Старикъ чрезвычайно любилъ Пушкина и разсказывалъ, что, встрѣтивъ дядю поэта, Василья Львовича, поздравилъ его съ знаменитымъ племянникомъ. Василій Львовичъ отвернулся и проговорилъ: „есть съ чѣмъ! Онъ негодяй“. Николай Семеновичъ не могъ вспомнить безъ смѣха этой оцѣнки Пушкина.

Сосѣдъ нашъ, какъ я сказала, былъ охотникъ до англійскихъ лошадей. Идешь, бывало, въ Жерновку и остановишься у левады, гдѣ гуляли жеребята. Ихъ шелковистая шерсть, тонкія ноги, граціозныя движенія, все обличало породу. Они смотрѣли на прохожихъ своими большими, кроткими глазами, въ которыхъ отражался лучъ вечерняго солнца; глядишь на нихъ и невольно залюбуешься. За левадой начинается усадьба; домъ былъ деревянный, просторный, въ немъ взглядъ встрѣчалъ лишь художественные предметы. Въ залѣ висѣли гравюры; между оконъ, на столѣ, возвышалась чугунная статуэтка консула Бонапарта. Разъ я

спросила, почему отъ его шпаги остались однѣ ножны? Старикъ улыбнулся и отвѣчалъ: „это я виноватъ. Когда его провозгласили императоромъ, я у него отнялъ шпагу, и она затерялась.“

Марья Ивановна Мосолова была добрая, сердечная старушка, отличная хозяйка, любила страстно принимать гостей и угощать вкуснымъ обѣдомъ и цвѣточнымъ чаемъ съ домашнимъ печеньемъ. Подвалы ея изобиловали всѣми возможными съѣстными припасами, консервами, вареньями, наливками. Похвала ея хозяйству ей доставляла видимое удовольствіе, однако она всегда скромно отвѣчала: „я желаю, чтобъ это было много лучше“.

Мы нашли у Мосоловыхъ самое радушное гостепріимство. Николай Семеновичъ очень полюбилъ брата, который еще носилъ студенческій мундиръ; маститый старецъ бесѣдовалъ съ студентомъ по цѣлымъ часамъ. Онъ интересовался прогрессомъ науки, самъ читалъ, получалъ русскіе и иностранные журналы и всѣ новыя книги. Разговоръ его былъ въ высшей степени занимателенъ. Горькія разочарованія молодости, измѣна друзей, не оставили въ немъ капли желчи. Онъ смотрѣлъ на людей спокойно и безпристрастно, рѣдко осуждалъ, и, осуждая кого нибудь, говорилъ: человѣкъ нехорошій, или, „пустой человѣкъ“. Я не видала въ старикахъ такого гуманнаго и трезваго взгляда, но онъ высоко цѣнилъ хорошихъ людей, въ какой бы средѣ ихъ ни встрѣчалъ. Писатели, которыми онъ увлекался въ молодыхъ лѣтахъ, имѣли на него самое благотворное вліяніе. Онъ былъ, можетъ быть, единственный ихъ послѣдователь, умѣвшій отдѣлить заблужденія отъ принципа, доброе сѣмя отъ плевеловъ, и остался, въ полномъ значеніи слова, человѣкъ образованный. Его крѣпостные блаженствовали. Николай Семеновичъ твердо вѣрилъ въ безсмертіе духа и любилъ читать Евангеліе, и дай Богъ каждому соблюдать какъ онъ Евангельское слово.

Онъ уважалъ свою жену и привязался къ ней, не смотря на неизмѣримую разницу ума и понятій. Эта разница сказывалась во всемъ, и вызывала иногда невольную улыбку.

Помню, разъ онъ сидѣлъ у окна; загоняли стадо; корова, забѣжавшая на дворъ, щипала траву.

— Картина Вандер-Вельда, замѣтилъ старикъ, въ которомъ каждое явленіе природы пробуждало художественное чувство.

— Пестравка, сказала въ свою очередь Марья Ивановна, любуясь коровой съ практической точки зрѣнія; даетъ ведро молока въ сутки.

Старикъ ложился послѣ заката солнца и вставалъ на разсвѣтѣ, занимался живописью, пересматривалъ свои гравюры, обогащая ихъ новыми пріобрѣтеніями, и никогда не жаловался на скуку. Она была незнакома этому философу. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ поселился въ Жерновкѣ и до своей кончины врядъ ли онъ побывалъ болѣе трехъ разъ въ Москвѣ, и то въ крайнихъ случаяхъ. Вотъ одинъ изъ этихъ случаевъ: пронесся слухъ, что Яковлевъ, отецъ или дядя Герцена, привезъ изъ заграницы картину Доминикина, Прометей. Николай Семеновичъ не вытерпѣлъ, собрался въ Москву, пріѣхалъ къ Яковлеву, взглянулъ на картину, махнулъ рукой и возвратился въ Жерновку.

— Картина ничего,—хорошая, говорилъ онъ мнѣ, разсказывая о своемъ путешествіи, а вѣдь прокричали, что Доминикинъ! И я то оплошалъ, не догадался сразу, что вздоръ. Доминикинъ! Легко сказать!

Первое октября, день Покрова Богородицы, былъ храмовой праздникъ въ Жерновкѣ. Марья Ивановна съ ранняго утра готовила угощеніе для пріюта и для сосѣдей, которые пріѣзжали къ обѣду; иные приходили прямо изъ церкви. Между ними были курьезныя личности, были и двѣ сестры, чудесныя старушки, мелкопомѣстныя и полуграмотныя. Николай Семеновичъ ихъ уважалъ и любилъ за ихъ честность, за простоту, за набожность, хотя ихъ религіозныя понятія и его были далеко не тѣ же, но онъ цѣнилъ всякое искреннее убѣжденіе тогда даже, когда его не раздѣлялъ. Старушки и у насъ бывали. Одна изъ нихъ, Василиса Львовна, застала меня разъ за чтеніемъ лекцій Рулье.

— Что это вы читаете, моя хорошая? спросила она.

Вопросъ меня немного затруднилъ, я отвѣчала:

— Авторъ этой книги объясняетъ, какъ наша земля создалась.

— Что тутъ объяснять-то? Господь приказалъ, вотъ тѣ и вся недолга.

Съ такой же непоколебимой увѣренностью и простотой Василиса Львовна рѣшала всякаго рода вопросы. Говорили о молодой дѣвушкѣ, которая вышла замужъ по любви и жестоко ошиблась въ своемъ выборѣ.

— Бываетъ, замѣтила наша старушка. Грѣхъ попутаетъ, и влюбишься въ негодяя. Отъ этого, моя хорошая, скажу тебѣ средство: какъ почувствуешь, что негодный человѣкъ тебѣ понравился, скажи три раза „Отче нашъ“,—какъ рукой сниметъ.

Помню сосѣда Ртищева, котораго я зазнала уже очень пожилымъ. Его безобразная наружность мнѣ врѣзалась въ память: у него были красныя, словно нарумяненныя щеки; онъ носилъ парикъ изъ черныхъ волосъ, синія очки и фракъ коричневаго цвѣта.

Вздумалось однажды ему обзавестись доморощеннымъ живописцемъ и присылать его въ Жерновку, чтобъ копировать картину Гвидо-Рени. Когда копія была кончена, Ртищевъ ее поставилъ рядомъ съ подлинникомъ и воскликнулъ: Кто возьмется рѣшить, которая оригиналъ! „Пожалуй и возьмутся“, хладнокровно замѣтилъ Николай Семеновичъ.

Съ такимъ же пониманіемъ дѣла онъ занимался поэзіей, и сдѣлалъ надпись на портретѣ Наполеона:

„Вотъ сей злобный царь,
Который былъ хоть Божья тварь,
Но дьяволу подобенъ,
И злыми дѣлами съ нимъ очень сходенъ“.

Садъ свой онъ украсилъ, между прочимъ, гротомъ, гдѣ сидѣлъ выточенный изъ дерева пустынникъ съ книгой въ рукахъ.

Трудно понять стремленіе посредственныхъ людей къ предметамъ совершенно чуждымъ не только ихъ пониманію, но и врожденнымъ наклонностямъ.. Надо замѣтить, что въ нихъ почти всегда лежитъ закваска зависти. Отецъ мой

былъ вспыльчивъ, не терпѣлъ пошлости, и, поселившись въ Юсуковѣ, уклонялся, насколько допускали приличія, отъ знакомства съ Ртищевымъ; но Николай Семеновичъ, которому онъ однако сильно надоѣдалъ, смотрѣлъ на него съ философскимъ безпристрастіемъ.

„Пошлыхъ людей много, говорилъ онъ, да и Богъ съ ними, лишь-бы они были безвредны, а этотъ золъ, вотъ что не хорошо. Встрѣтитъ порядочнаго человѣка, сейчасъ и наровитъ ему нагадить".

Вообще не завидно былъ окруженъ замѣчательный старикъ, но жизнь его измѣнилась наконецъ: сынъ его поселился въ Жерновкѣ съ семействомъ.

Никакой воспитатель не достигъ своей цѣли съ такимъ успѣхомъ, какъ Николай Семеновичъ. Сынъ унаслѣдовалъ артистическія наклонности и благородныя свойства отца, сохранивъ однако своеобразный характеръ. Въ ранней молодости ему захотѣлось попробовать военной жизни, но она не пришлась ему по душѣ; послѣ компаніи 31 года, онъ вышелъ въ отставку и поѣхалъ за границу. Всю Швейцарію онъ обошелъ пѣшкомъ и вспоминалъ всегда съ наслажденіемъ о своемъ путешествіи.

Онъ встрѣтилъ въ горахъ Боткина и подружился съ нимъ; ихъ сблизила молодость, искуство, поэзія, горы. Вернувшись въ Россію, онъ женился по любви, и міръ ограничился для него семейнымъ кружкомъ. Онъ не только не терпѣлъ свѣта, но избѣгалъ общества, вообще, былъ нелюдимъ. Привязался онъ къ немногимъ, дружба его проявлялась рѣдко и неожиданно, за то проявленій ея нельзя было забыть. Трудно себѣ представить кого-нибудь правдивѣе этого человѣка; онъ себѣ не позволялъ самой пустой лжи, принятой въ свѣтѣ и допускаемой честными людьми. Домъ свой онъ выстроилъ въ рощѣ, около старой Жерновской усадьбы, и убралъ его изящно, а въ рощѣ самъ разбилъ паркъ. Безпрерывныя занятія, живопись, столярное мастерство, работы въ саду, охота, семейная жизнь разрѣшили для него задачу земнаго счастья. Онъ страстно любилъ сына, не разлучался съ нимъ со дня его рожденія, и

развивалъ его даровитую природу. Дѣдушка гордился внукомъ, угадывая будущаго художника, и не ошибся. Имя его извѣстно въ артистическомъ мірѣ.

Считали версты полторы отъ насъ до Жерновки. Къ усадьбѣ, какъ и у насъ, примыкала березовая аллея, такая же аллея простиралась отъ Жерновки до Хатавокъ. Эти старинныя дачи принадлежали когда-то Шереметевымъ и были прелестны. Я въ особенности любила ихъ въ концѣ лѣта, когда въ садахъ появлялись крытые соломой шалаши, куда складывали яблоки. Воздухъ былъ пропитанъ ихъ ароматомъ. Вечеромъ сторожъ зажигалъ костеръ и варилъ ужинъ. Прогулка въ рощѣ, гдѣ пахло сырыми листьями, уже отдѣляющимися отъ деревьевъ, вечеръ, проведенный у милыхъ сосѣдей за чашкой чая, на балконѣ, противъ роскошнаго сквера, топотъ ночнаго табуна, вся обстановка родной деревни оставляютъ неизгладимыя воспоминанія.

Николай Семеновичъ скончался въ 61-мъ году. Слабѣя съ каждымъ днемъ, онъ уже не вставалъ съ постели, и, предчувствуя конецъ, хотѣлъ умереть, окруженный картинами. Ихъ перенесли въ спальню, вновь обитую для ихъ перемѣщенія красивыми обоими. Любимая картина старика, Спаситель Леонарда да Винчи, висѣла противъ его кровати, и онъ засыпалъ и просыпался, любуясь ею. Послѣдніе дни его были тихи и свѣтлы, какъ его жизнь; онъ скончался, окруженный семействомъ и всѣмъ, что было ему дорого.

Въ 46-мъ году обстоятельства меня разлучили на нѣсколько мѣсяцевъ съ сестрами и я провела лѣто въ Сокольникахъ съ моей теткой Новосильцевой. Тогда сосновый лѣсъ еще не вполнѣ утратилъ свой первоначальный видъ и простирался до Троицкой Лавры. Воображеніе переносилось невольно къ тому времени, когда въ этомъ лѣсу раздавался оглушительный лошадиный топотъ и свистъ, и гиканье охотниковъ царя Ивана Васильевича. Дачъ было сравнительно немного и немногія отличались прихотливой архитектурой; ихъ занимали большею частію больные и небогатые люди. Только разъ въ годъ гулянье перваго мая тревожило покой вѣковой

рощи. Съ 6-ти часовъ вечера безконечный рядъ щегольскихъ экипажей тянулся изо всѣхъ частей города въ Сокольники; вдоль лѣсной просѣки были раскинуты убранныя цвѣтами палатки. Москвичи въ нихъ угощали чаемъ, шоколадомъ, мороженнымъ и хоромъ цыганъ.

Мы занимали не далеко отъ Волчьей долины верхній этажъ дачи Постниковыхъ, а онѣ жили въ нижнемъ. Ихъ было двѣ: старушка-мать и старушка-же дочь. Мать, Варвара Ѳедоровна осталась ребенкомъ до 80-ти лѣтъ; выраженіе лица ея было дѣтское и сердцемъ она была дитя, и степенью умственнаго развитія. Да и на что умъ тѣмъ созданіямъ, о которыхъ покойный митрополитъ Филаретъ сказалъ: „въ этихъ простыхъ душахъ самъ Христосъ почиваетъ“.—Она принадлежала къ ихъ числу. Ея миніатюрная особа занимала такъ мало мѣста и слабаго голоса ея не было слышно въ домѣ. Говорила она не сложно и всегда ласково.—„Что это грустишь, моя родная? о чемъ плакала? аль кто тебя сглазилъ? молитву прочти да по рощѣ пройдись, вотъ и грусть пройдетъ.“ Единственная ея дочь, Федосья Николаевна, была умна и добра; въ 18 лѣтъ у ней отнялись ноги, а руки были изуродованы ревматизмомъ: она не могла пошевелиться безъ чужой помощи. Если въ ней и проявлялось минутное ожесточеніе, она его усмиряла молитвой. Не знаю, почему я внушила ей самое доброе и теплое расположеніе. Она извиняла во мнѣ то, что рѣдкая изъ ея сверстницъ могла бы простить. Разъ прихожу отъ обѣдни, она спрашиваетъ: Что? хорошо помолилась?—Ахъ нѣтъ, Федосья Николаевна, все грѣшила.—Скажи, какъ-же грѣшила?—У меня въ головѣ вертѣлись стихи Пушкина.—Этотъ грѣхъ Богъ проститъ, душа моя.

Ѳедоръ Николаевичъ Глинка и жена его Авдотья Павловна пріѣхали на лѣто въ Сокольники и немедленно навѣстили Постниковыхъ. Авдотья Павловна была внучка знаменитаго Кутузова, но ни капли благородной крови не сказывалось ни въ ея наружности, ни въ пріемахъ. Она вышла замужъ очень поздно и была похожа на пожилую нѣмку, даже туалетъ ея отзывался нѣмецкимъ вкусомъ: все на ней было неуклюже, окорочено, съужено. Она носила гранато-

вое ожерелье, на которомъ висѣлъ серебряный лорнетъ. Ѳедоръ Николаевичъ былъ маленькій, худенькій, черноволосый старичекъ съ крошечнымъ лицомъ и смотрѣлъ добрякомъ. Они не только жили дружно, но постоянно и добросовѣстно восхищались другъ другомъ. Съ первыхъ словъ Авдотья Павловна объявила, что мужъ ея написалъ поэму „Капля," и обѣщала прочесть ее Постниковымъ.

У французовъ вышло изъ употребленія слово *поэтическое* (poétique). Героиня одной современной французской повѣсти позволяетъ себѣ, послѣ многихъ колебаній, примѣнить его къ возлюбленному человѣку, и авторъ усердно ее извиняетъ передъ читателями, ссылаясь на ея оригинальность. Jobs Semoitu, въ критическомъ разборѣ пишетъ: on disait autrefois „poétique". Къ счастью еще мы не дошли до изгнанія этого слова изъ нашего словаря, и меня поймутъ, если я скажу необинуясь, что настроеніе общества въ сороковыхъ годахъ было по преимуществу поэтическое. Зачитывались Пушкинымъ, Лермонтовымъ; читали молодыхъ поэтовъ Фета, Полонскаго, Майкова и первые очерки Тургенева, читали иностранныхъ писателей. Утромъ собирались на лекціи Грановскаго, вечеромъ на представленіе комедіи Гоголя или драмы Шекспира. Вліяніе литературнаго общества было громадное и высказывалось въ чувствахъ, въ понятіяхъ, во взаимныхъ отношеніяхъ, высказывалось и въ ошибкахъ, и въ хорошихъ дѣлахъ. Каждое новое произведеніе возбуждало любопытство публики, о немъ толковали заранѣе до его появленія; понятно, что я ждала съ нетерпѣніемъ обѣщаннаго чтенія.

Содержаніе поэмы, „Таинственная капля," взято изъ прекрасной французской легенды. Во время бѣгства Святаго Семейства въ Египетъ, на него напали разбойники и увели въ плѣнъ.

Жена одного изъ нихъ кормила грудного ребенка, но молоко у ней пропало и ребенокъ умиралъ. Божія Матерь сжалилась надъ нимъ, взяла его на руки, и отъ одной капли ея молока младенецъ воскресъ. Изумленные разбойники не смѣли больше удерживать святыхъ путешественниковъ и

отпустили ихъ съ миромъ. Тридцать три года спустя, разбойникъ, спасенный когда-то каплей молока Пречистой Богородицы, былъ распятъ съ Іисусомъ, и сказалъ Ему: „Помяни меня, Господи, во Царствіи Твоемъ!“

Глинки не замедлили сдержать обѣщаніе. Начало поэмы прочелъ Ѳедоръ Николаевичъ, между тѣмъ какъ Авдотья Павловна за него дѣлала жесты; нѣкоторые стихи она говорила вмѣстѣ съ нимъ, съ какимъ-то завываньемъ. Поэма раздѣлена на главы, послѣ каждой чтеніе прекращалось и тетка моя и обѣ мои старушки съ неподдѣльной искренностью выражали свое восхищеніе. Дорого бы я дала, чтобъ его раздѣлить, но не могла; плохіе стихи не доходили до моего сердца, и я пріискивала выраженіе, придиралась къ какому-нибудь слову и хвалила тоже, но изъ приличія, и нѣтъ сомнѣнія, что въ моей похвалѣ проглядывала насмѣшка.

На другой день чтеніе продолжалось. Меня позвали внизъ; Авдотья Павловна уже сидѣла у стола, на которомъ лежалъ огромный манускриптъ „Капли“.

— Напрасно вы пришли, сказала она мнѣ сухо.—Это писалъ не какой-нибудь негодяй Пушкинъ или пьяница Лермонтовъ, а Апостолъ Ѳеодоръ.

Я ничего не отвѣчала. Чтеніе началось и вмѣстѣ съ нимъ мученіе слушать хладнокровно и играть роль паріи между восторженными слушателями. Тетка моя была добрая женщина, но покорялась легко чужому вліянію и не умѣла въ иныхъ случаяхъ отстоять своихъ. Она меня стыдила за мой испорченный, только что не безнравственный вкусъ, за равнодушіе къ истинно прекрасному и т. п. Ѳедосья Николаевна заступалась за меня, увѣряла, что я все понимаю, только выразить не могу своихъ впечатлѣній, но съ глазу на глазъ спросила у меня, точно ли я не сочувствую такому геніальному произведенію, какъ „Капля?“ И ее оскорбила моя холодность. Одна только старушка Варвара Ѳедоровна слушала съ умиленіемъ, не обращала вниманія на другихъ. Я было рѣшилась оставаться въ моей комнатѣ во время чтенія, но это было бы еще хуже, и мученіе мое продлилось нѣсколько дней. Разъ у обѣдни, въ Алексѣев-

скомъ монастырѣ, Авдотья Павловна остановилась передо мной и спросила: „Вы зачѣмъ здѣсь? Я полагаю, что обѣдня не имѣетъ для васъ никакого смысла.“

Это замѣчаніе меня такъ оскорбило, что я не могла удержаться отъ слезъ. Авдотья Павловна была религіозна, но какъ инквизиторы, безъ христіанской любви, а они опаснѣе скептиковъ. Духъ сомнѣнія охватилъ цѣлое поколѣніе, и, отхлынувъ отъ многихъ, научилъ ихъ снисхожденію. Очень ограниченное число людей, чья вѣра никогда не колебалась, носитъ въ себѣ тотъ елей, который покоряетъ самыя закоснѣлыя сердца.

Ѳедоръ Николаевичъ подъ вліяніемъ своей жены не преминулъ мнѣ сказать колкость. Можетъ быть въ немъ и заговорило авторское самолюбіе, а оно, какъ извѣстно, неумолимо, но, по справедливости я должна сказать, что онъ былъ отличный человѣкъ. Вотъ нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній, дошедшихъ до меня изъ вѣрнаго источника объ его молодости.

Глинка, Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ и Александръ Николаевичъ Муравьевъ, были основателями Масонскаго Общества. Сначала оно называлось „Союзъ благоденствія Сѣверныхъ рыцарей“. Цѣль его состояла въ открытіи всякаго злоупотребленія, какъ взяточничества, злоупотребленія помѣщичьей власти, неправды въ судахъ и сообщеніи объ этомъ Правительству; но со временемъ общество стало увеличиваться и уклоняться отъ прежнихъ цѣлей; оно уже стремилось къ конституціи, которую взялся составить Николай Ивановичъ Тургеневъ, умершій въ Буживалѣ въ 60-хъ годахъ. Глинка не раздѣлялъ во многихъ отношеніяхъ политическаго взгляда своихъ товарищей, и отсталъ отъ нихъ. Александръ Николаевичъ Муравьевъ послѣдовалъ его примѣру. Въ бумагахъ, захваченныхъ въ Обществѣ, нашли его письмо.—„Замыслы нѣкоторыхъ изъ васъ, писалъ онъ, приняли такіе размѣры, что я отрекаюсь отъ заговора, какъ отъ дѣла нехристіанскаго“. Отреченію Муравьева способствовало постигшее его семейное несчастье, смерть дѣтей и отчаянье жены.

Когда заговорили о цареубійствѣ, Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ тоже оставилъ общество, но уже успѣвъ вовлечь въ заговоръ нѣсколькихъ знакомыхъ, которые, не смотря на его увѣщеванія, не согласились пойти, какъ онъ, на возвратный путь. По ходатайству его брата, Алексѣя Ѳедоровича, любимца Государя Николая Павловича, его не постигла участь Муравьева и Глинки, но ошибка молодости оставила неизгладимый слѣдъ въ его душѣ. Избѣжаніе наказанія и завидная роль въ Московскомъ обществѣ не спасли его отъ угрызенія совѣсти, на которой лежалъ тяжелый упрекъ. —„Я вовлекъ другихъ въ это дѣло, говорилъ онъ постоянно одному изъ своихъ лучшихъ друзей, и не могу помириться съ собой“.

Эти свѣдѣнія объ немъ я имѣю изъ самаго вѣрнаго источника; они очистили его память отъ пересудовъ, которымъ его подвергало независимое положеніе, между тѣмъ какъ его товарищи томились въ ссылкѣ, или въ крѣпости. Постоянное нравственное страданіе его преждевременно свело въ могилу, хотя онъ унаслѣдовалъ атлетическое сложеніе Орловыхъ, и, казалось, долженъ былъ прожить до ста лѣтъ.

Москвичи не забыли до сихъ поръ его, бросающуюся въ глаза, красивую голову, его рыцарскіе пріемы и чарующее вліяніе на молодыхъ людей и женщинъ. Одна свѣтская красавица влюбилась въ него и написала ему письмо, въ которомъ ясно высказывалось ея чувство; Михаилъ Ѳедоровичъ послалъ ей отвѣтъ черезъ собственнаго сына, уже бывшаго тогда студентомъ. Впослѣдствіи она сама разсказывала объ этомъ отвѣтѣ, написанномъ отцовскимъ тономъ и съ утонченной деликатностью.

Когда произошолъ бунтъ 14-го декабря Глинку арестовали, и послѣ многократныхъ допросовъ Коммисіи, привели къ Государю, который долго съ нимъ говорилъ, и, помахавъ рукой надъ его головой, сказалъ: „Глинка, ты совершенно чистъ, но все-таки тебѣ надо окончательно очиститься“, и назначилъ его совѣтникомъ Губернскаго Правленія въ Петрозаводскѣ. Муравьевъ былъ сосланъ въ Сибирь [1]).

[1]) Ссылка Глинки и Муравьева, признанныхъ невиновными, объясняется лишь ихъ неповиновеніемъ законному обязательству выдавать заговорщиковъ.

Глинка, возвратившись изъ ссылки, женился, и, переживъ свою жену, поселился въ Твери, гдѣ и умеръ, года три тому назадъ, въ глубокой старости. Жилъ онъ бѣдно, въ одной комнатѣ, носилъ изношенное платье; обѣдъ его состоялъ изъ щей и каши, но карманы его были всегда набиты серебряными и мѣдными деньгами для раздачи бѣднымъ, и такимъ образомъ онъ утратилъ очень хорошее состояніе.

Въ „Каплѣ“ есть, однако, хорошіе, хотя и небезупречные стихи. Вотъ они:

На брегахъ Генисарета
Величавый мужъ ходилъ,
Мужъ великаго совѣта,
Мужъ великихъ дѣлъ и силъ.
И дивилися народы,
Разсуждая: кто-же Сей?
Онъ ли, тотъ, разсѣкшій воды,
Нашъ завѣтный Моисей?
Моисей седьми-именный [1]),
Собесѣдникъ Іеговы,
Передъ кѣмъ народъ смиренный
Преклонилъ свои главы.
Онъ ли это?.. Дивный странникъ!
Гдѣ жъ живетъ его семья?..
Иль отъ неба онъ посланникъ,
Небомъ взятый—Илія?..
Онъ ли, тотъ, что въ гнѣвѣ бурный,
Землю жаждой истомя,
Улетѣлъ за сводъ лазурный
И пылая, и гремя?..
Или тотъ пустыни житель,
Что водою насъ крестилъ;
Чью главу слѣпой мучитель
Пылкой дѣвѣ подарилъ?
Нѣтъ! Онъ выше Моисея,
Онъ сильнѣе Иліи,
Но смиренно ходитъ сѣя
Рѣчи дивныя свои.
Лишь порою, воли полный,
Взглянетъ съ берега на даль,
И нахолмленныя волны
Тихо сплавятся въ хрусталь...
Такъ, дивясь Ему народы,
Вопрошали: Кто же Сей,
Что смиряетъ наши воды
Чудной волею своей?..

Глинка былъ глубоко религіозенъ и мистикъ. У него часто бывалъ другой мистикъ, Александръ Степановичъ

[1]) Евреи приписывали Моисею семь именъ.

Кротковъ, который началъ такъ, какъ кончилъ Глинка, роздалъ все свое состояніе и, наконецъ, обѣднявъ совершенно, пробавлялся въ старости своимъ трудомъ.

Мнѣ только что минуло 18 лѣтъ, когда мы познакомились, а онъ уже давно вышелъ въ отставку, и изъ щегольскаго гвардейскаго полковника и волокиты обратился въ мистика.

Природа человѣческая, за рѣдкими исключеніями, составлена изъ диссонансовъ, но такихъ рѣзкихъ я ни въ комъ не видала. Онъ касался съ непоколебимой логикой и съ глубокимъ знаніемъ людей и жизни до общественныхъ и политическихъ вопросовъ, практическій складъ его ума не мирился съ фантазіей поэтовъ, они для него не существовали, его похвальный отзывъ о какомъ-нибудь знаменитомъ романистѣ ограничивался словами: „хорошо, не вретъ.“ Что касается до романовъ жизни, онъ ихъ объяснялъ самой отчаянной прозой. У него былъ камердинеръ, который ему служилъ болѣе двадцати лѣтъ и перешелъ на другое мѣсто за лишній рубль въ мѣсяцъ. Я спрашиваю у Александра Степановича:—Неужели правда, что Иванъ васъ промѣнялъ на другихъ?—Онъ перешелъ къ другимъ; а что?—Нечего сказать, доказалъ, что у него благодарное сердце!

— Тутъ, дружечекъ, дѣло не въ сердцѣ, а въ желудкѣ. Лишній рубль, да обѣдъ съ господскаго стола, а у меня онъ жилъ на своихъ харчахъ, какъ-же на это не польститься!

Онъ очень уважалъ такъ называемыхъ дѣльныхъ женщинъ.

„Она умна, говорилъ онъ объ одной общей знакомой. Мужъ у ней по стрункѣ ходитъ. Онъ было попробовалъ деньги тратить на пустяки, да она ему прямо сказала: деньги-то мои. Тратить ты будешь только то, что отъ меня получишь“.

Этотъ человѣкъ, смотрѣвшій такъ снисходительно на подкупныя чувства, роздалъ свое состояніе; этотъ скептикъ, не вѣрующій въ идеальную сторону любви, любилъ нѣсколько лѣтъ женщину, которая не отвѣчала ему взаим-

ностью, и довольствовался счастьемъ видѣть ее ежедневно. Дружился же онъ съ самыми непрактичными женщинами; наконецъ онъ жилъ религіозной мыслью и былъ мистикъ. Я въ немъ имѣла вѣрнаго друга, способнаго все понять, все оцѣнить, все раздѣлить. Сколько вечеровъ провела я съ нимъ, слушая его объясненія какого-нибудь текста Священнаго Писанія, или значенія цифры *3*, или *семи степеней просвѣтленія* и т. п. Онъ изучилъ восточные языки и читалъ Евангеліе поеврейски и погречески.

Видалъ онъ много людей, посвятившихъ себя Богу, вездѣ отыскивалъ ихъ и передавалъ иногда ихъ мудрыя слова или что-нибудь изъ ихъ жизни. Помню его разсказъ объ одномъ купцѣ: этотъ купецъ велъ примѣрную жизнь и свое богатство нажилъ честно. Его постигло несчастье: лавка и домъ его сгорѣли со всѣмъ добромъ и въ пожарѣ погибли его жена и дѣти.—Я поспѣшилъ его навѣстить, говорилъ Александръ Степановичъ, но признаюсь, мнѣ было страшно войти къ нему, взглянуть на него. Его пріютилъ родственникъ, который и провелъ меня въ его комнату. Онъ сидитъ какъ-будто ни въ чемъ не бывало, спокойный, поздоровался со мной.—Я ему говорю: Осипъ Ермолаевичъ, какое страшное несчастіе! —Какое-же это, говоритъ, несчастье? Это благодать. Мнѣ Господь крестъ послалъ, чтобъ душу мою очистить для Царства Небеснаго. Однако ударъ былъ такъ силенъ, что онъ недолго его пережилъ.

У Александра Степановича была способность бесѣдовать съ самыми разнородными личностями всѣхъ сословій и возрастовъ, и всѣ дорожили его участіемъ. Своихъ убѣжденій онъ не навязывалъ, и не осуждалъ тѣхъ, которые ихъ не раздѣляли. Лишился-ли кто-нибудь изъ его знакомыхъ любимаго существа, страдалъ-ли отсутствіемъ вѣры или просто житейскими недочетами,—вотъ онъ и зарядитъ ходить къ нему и по цѣлымъ вечерамъ съ нимъ толкуетъ. Онъ такъ втянулся въ роль проповѣдника и утѣшителя, что она сдѣлалась его призваніемъ.

Александръ Степановичъ много занимался магнетическими опытами. Кстати о магнетизмѣ. Вопросъ о немъ

вызывалъ еще недавно насмѣшки медиковъ и ученыхъ людей вообще, но теперь его серьезно разрабатываютъ эти самые ученые и медики. Такова участь всякаго великаго открытія.

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ были доктора магнетизеры, и можетъ быть не лишнимъ будетъ разсказать чудеса, которыя они совершали надъ личностями, коротко мнѣ знакомыми, между прочимъ надъ княжной Шаховской, родной племянницей писателя и театрала кн. Александра Александровича Шаховскаго.

Она родилась глухонѣмая, но передавала знаками свои мысли и вела живые разговоры съ членами семейства. Съ ней дѣлались нервные припадки, и докторъ Бюргермейстеръ ее магнетизировалъ и заставлялъ говорить въ магнетическомъ снѣ. Разъ княжна заснула и въ продолженіе трехъ сутокъ не могли ее разбудить. Чтобъ войти въ ея комнату, надо было держать за руку магнетизера, иначе она волновалась и вскрикивала. Лежала она спиной къ стѣнѣ, и когда ее о чемъ-нибудь спрашивали, вопросы писали пальцемъ на обнаженной по локоть рукѣ. На вопросъ: какимъ средствомъ ее разбудить?—она показала знаками, что надо ей отрѣзать косу. Послали за парикмахеромъ, но какъ только онъ прикоснулся до княжны, она его оттолкнула и вскрикнула, и опять знаками объяснила, чтобъ каждый членъ семейства, по очередно, отрѣзалъ ей волосы, каждый по пряди, затѣмъ чтобъ ихъ сожгли, но такъ, чтобъ она объ этомъ не знала, и когда сгоритъ послѣдній волосъ, она проснется. Ея желанія исполнили буквально, и какъ скоро волосы сгорѣли, она открыла глаза и быстро поднялась съ постели.

Бюргермейстеръ занемогъ. Его болѣзнь скрывали отъ княжны, но она стала тосковать, сидѣла неподвижно на одномъ мѣстѣ, отказываясь отъ занятій, къ которымъ ее пріучали, и ни съ кѣмъ не разговаривала, какъ могла говорить — пантоминой. Это состояніе продолжалось до самой смерти Бюргермейстера. Во время агоніи докторъ Маркусъ сидѣлъ около него, а Зейдлеръ у княжны, оба съ часами въ рукахъ. Имъ хотѣлось убѣдиться, что она угадаетъ минуту

смерти; дѣйствительно, какъ только доктору закрыли глаза, княжной овладѣло сильное волненіе. Она вскочила съ мѣста, стала оглядываться и искать около себя. У ней спросили, что она ищетъ; отвѣтъ былъ, что она потеряла что-то незамѣнимое, и чувствуетъ, что никогда не найдетъ своей потери. Съ тѣхъ поръ она не говорила о Бюргермейстерѣ, и даже не спросила, живъ ли онъ, но находилась въ возбужденномъ состояніи, которое разрѣшилось помѣшательствомъ.

Однако, не смотря на помѣшательство, въ ней проявлялось часто ясновидѣніе. Вотъ одинъ примѣръ. Братъ ея былъ убитъ на войнѣ; отъ нея скрывали это несчастье, но разъ она спросила, гдѣ онъ находится. Отвѣчали, что не знаютъ; на это она сказала: „въ тотъ день, какъ получили его послѣднее письмо, вы радовались, а я видѣла, какъ его клали въ гробъ.“ Князь скончался именно въ тотъ день, когда получили его письмо.

Черезъ полтора года она оправилась и пришла въ нормальное состояніе.

Тогда въ Москву пріѣхалъ магнетизеръ (я забыла его имя), который слышалъ о болѣзни княжны, и навѣстилъ одного изъ членовъ семейства, съ цѣлью ее видѣть и разузнать нѣкоторыя подробности. Она очень любила играть въ карты и его пригласили сдѣлать партію вмѣстѣ съ нею, но онъ отвѣчалъ, что она не согласится съ нимъ играть, хотя не знаетъ, кто онъ и зачѣмъ пріѣхалъ въ домъ. И точно, когда ей предложили играть, она отказалась на отрѣзъ, показывая, что ей почему-то непріятно сѣсть за карточный столъ.

Не потому ли, что онъ находился въ непріятныхъ отношеніяхъ съ Бюргермейстеромъ?

Очень извѣстный въ то время докторъ Лёвенталь магнетизировалъ А. К. Благову, родственницу моей бабушки, у которой она жила. Она страдала нервной болѣзнью и находилась въ такомъ раздражительномъ состояніи, что нѣсколько лѣтъ не могла причаститься. Благова была очень набожна; церковное пѣніе и причастный стихъ такъ сильно на нее дѣй-

ствовали, что она начинала рыдать, и съ ней дѣлался нервный припадокъ.

Необходимо замѣтить, что ея образованіе было крайне ограниченно; она читала бѣгло по-русски, но писала безграмотно и дѣтскимъ почеркомъ. Разъ въ магнетическомъ снѣ она назвала на латинскомъ языкѣ лекарство, которое, по ея словамъ, должно было ей помочь. Озадаченный Лёвенталь не скоро понялъ, что она требовала. Надо было отыскать въ ботаническомъ словарѣ средство, назначенное ею. Оказалось, что оно давнымъ давно вышло изъ употребленія въ медицинѣ; однако его добыли и оно принесло ей видимую пользу. Неоднократно она диктовала рецепты по латинѣ и докторъ повиновался безусловно ея предписаніямъ.

Одинъ изъ ея родственниковъ смотрѣлъ на магнетизмъ какъ на грѣшное дѣло, и намѣревался побывать у ней и уговорить ее отказаться отъ такого способа леченія. Она сообщила во снѣ его намѣреніе, и предупредила, что свиданіе съ нимъ причинитъ ей большой вредъ. Вскорѣ затѣмъ родственникъ явился къ моей бабушкѣ, и открылся, не обинуясь, въ цѣли своего посѣщенія, но бабушка строго ему запретила вмѣшиваться въ дѣло, и онъ уѣхалъ, не повидавшись съ больной.

Она лишилась сестры, которую страстно любила, и, несмотря на свои религіозныя убѣжденія, была въ такомъ отчаяніи, что помышляла о самоубійствѣ.—Докторъ, сказала она во снѣ Лёвенталю, унесите изъ моей комнаты стклянку съ уксусомъ четырехъ разбойниковъ. — Зачѣмъ? — Я покушаюсь его выпить, чтобъ отравиться.

Флаконъ съ уксусомъ унесли. Въ тотъ же день Благова стала его искать въ порывѣ отчаянія, и, не находя нигдѣ, пришла въ себя, и убѣдилась, что Богъ ее недопустилъ до грѣха.—Она говорила безошибочно, который часъ, когда часы ей клали на сердце.

Лёвенталь спросилъ у ней, какой силой она предсказываетъ, прописываетъ рецепты на незнакомомъ языкѣ, и узнаетъ чужія мысли.

Она отвѣчала: „ко мнѣ приходитъ во время сна тетка

моя, Анна Ивановна Леонтьева, и подсказываетъ все, что я говорю".

Анны Ивановны Леонтьевой тогда уже давно не было на свѣтѣ.

Лёвенталь такъ вѣрилъ въ силу ясновидѣнія Благовой, что въ затруднительныхъ положеніяхъ прибѣгалъ къ ея совѣтамъ. Сеансы состоялись обыкновенно въ спальнѣ моей тетки Новосильцовой; разъ она заснула на кровати, огороженной ширмами, и не слыхала, какъ вошелъ Лёвенталь съ своей паціенткой. Въ то время какъ тетка проснулась, сеансъ уже начался, и, вслушавшись, она не смѣла пошевелиться.

Докторъ спрашивалъ о семейной тайнѣ, и отвѣты были далеко неудовлетворительны для него. Когда онъ вышелъ изъ комнаты, всѣ замѣтили его смущеніе.

Нѣсколько лѣтъ спустя Благову магнетизировалъ докторъ Вейтраубе. Она рано состарилась, и была такъ слаба, что онъ ее укрѣплялъ двумя тремя взмахами рукъ.

Она говорила во снѣ, и предсказала, между прочимъ, день и часъ смерти своей пріятельницы фонъ-Визиной.—На вопросъ: чѣмъ больна фонъ-Визина?—старушка отвѣчала: „мнѣ тяжело объ этомъ говорить; я вижу ея внутренность, она вся въ ранахъ".

Вейтраубе кончилъ свое поприще самымъ грустнымъ образомъ.

Онъ такъ задался чудесами магнетизма, что возмечталъ вокрешать мертвыхъ, и помѣшался на этой мысли. Онъ умеръ въ домѣ умалишенныхъ.

Интересенъ тоже разсказъ Екатерины Александровны Соймоновой.

Въ продолженіе двухъ лѣтъ, утромъ, въ ту минуту какъ она просыпалась, незнакомый голосъ ей предсказывалъ все, что должно случиться днемъ. Предсказанія были ничтожны, но поразительно вѣрны. Я помню нѣкоторыя.

У Соймоновыхъ устраивался музыкальный вечеръ къ 1-му апрѣля, день именинъ хозяйки дома. Въ концертѣ принималъ участіе Ѳ. М. Толстой, знатокъ въ музыкѣ и пѣвецъ.

За нѣсколько времени до вечера, онъ уѣхалъ въ Петербургъ, назначая день своего возвращенія; но назначенный срокъ прошелъ, а Толстой не возвращался. Старикъ Соймоновъ волновался не на шутку, писалъ въ Петербургъ, но отвѣта не получилъ. Узнали стороной, что Толстой былъ въ деревнѣ.

За три дня до именинъ своей матушки, Екатерина Александровна, проснувшись, слышитъ, что голосъ ей говоритъ: „Толстой въѣзжаетъ въ Москву". Она поспѣшила сообщить пріятное извѣстіе отцу, который не любилъ ея предсказаній, и посмѣялся надъ ними; но ихъ оправдало появленіе Толстаго. Онъ въѣхалъ въ Москву въ тотъ часъ, когда она заявила о его возвращеніи.

Екатерина Александровна, послѣ своего разрыва съ барономъ Фирксомъ, отказывалась отъ выѣздовъ подъ разными предлогами, но не всегда удачно; ея отецъ требовалъ, чтобъ она была въ свѣтѣ. Гудовичи ее пригласили на балъ, и она согласилась непрекословно, но наканунѣ пожаловалась на горловую боль, и даже надѣла фуляръ на шею. Александръ Николаевичъ повѣрилъ въ нездоровье, и объявилъ, что поѣдетъ одинъ къ Гудовичамъ. На другой день Екатерина Александровна просыпается и ей говорятъ: „Поѣзжай на балъ, войдешь — перваго его увидишь". Не сомнѣваясь, что она увидитъ Фиркса, она сняла свой фуляръ, и, здороваясь съ отцомъ, сказала, что ей лучше и можно выѣхать. Въ передней у Гудовича, она сбросила съ плечъ шубу; кто-то ее подхватилъ и сказалъ: bon soir, Katherine. Это былъ Фиркъ.

Единственное серіозное событіе, предсказанное ей, къ счастью не сбылось. Ее огорчила смерть родственницы, которую звали Марья. Голосъ ей пророчилъ, что черезъ годъ она похоронитъ другую Марью, *и не такъ еще плакать будешь*. Разумѣется она подумала о своей матери, и провела цѣлый годъ въ мучительномъ ожиданіи, и съ тѣхъ поръ ей хотѣлось, во что бы ни стало, избавиться отъ голоса. Проснувшись, она затыкала себѣ уши, молила Бога избавить ее отъ несноснаго преслѣдованія, и была отъ него избавлена.

*

Спириты назвали бы ее medium auditif. Но тогда слово „Спиритизмъ“ не существовало.

Въ концѣ августа мы разстались съ Постниковыми. Вспоминая о нихъ, не могу умолчать объ одномъ фактѣ, поразившемъ всѣхъ свидѣтелей.

У Варвары Ѳедоровны былъ троюродный братъ, Ильменевъ, человѣкъ умный, но дурной, не уважаемый ни своими, ни чужими. Онъ не вѣрилъ ни во что, и хвасталъ своимъ безбожіемъ, вмѣняя себѣ въ удовольствіе сбивать съ толку вѣрующихъ людей. Умеръ онъ въ одинъ день съ Варварой Ѳедоровной. Его лицо сохранило слѣды предсмертныхъ мукъ, и приняло такое страшное выраженіе, что семейство пришло въ ужасъ, и никто не рѣшался подойти ко гробу. Молодой Ильменевъ, воспитанный отцомъ, какъ и онъ—скептикъ и нахалъ, поѣхалъ, изъ приличій, на панихиду къ Постниковымъ. Варвара Ѳедоровна лежала въ гробу, улыбка, остановившаяся на губахъ, придавала всему лицу чудное, свѣтлое и радостное выраженіе. Кто не задумывался надъ этимъ выраженіемъ иныхъ усопшихъ, надъ этой единственной утѣшительной стороной непроницаемой тайны смерти?... Ильменевъ стоялъ у гроба, не сводя глазъ съ покойницы. Когда панихида отошла, онъ промолвилъ: „Нѣтъ! душа безсмертна“.

ОЛЬГА N.